

**Наблюдался ли в позднеимперской
России мальтузианский кризис?
Доходы и повинности
российского крестьянства
в 1801–1914 гг.**

Б. Н. Миронов

**Опубликовано: История и Математика: О причинах
Русской революции / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, С.
Ю. Малков (ред.). Волгоград, 2010. С. 61-111.**

В отечественной историографии более ста лет живет тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян как до, так и после отмены крепостного права 1861 г. вследствие роста малоземелья и недостаточной доходности крестьянского хозяйства. В сущности, это парафраза мальтузианской концепции, объясняющей снижение уровня жизни чрезмерно быстрым ростом населения, опережающим увеличение средств существования. На рубеже XIX–XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени: И. И. Игнатович (Игнатович 1925: 129–130), А. А. Кауфмана (Кауфман 1908: 69–80), П. И. Лященко (Лященко 1908: 416), Н. М. Покровского (Покровский 1907), Н. Н. Рожкова (Рожков 1902: 68–75), А. Финн-Енотаевского (Финн-Енотаевский 1911: 470–472, 518–522) и других (Розенберг 1904: 7–41), включая, конечно, В. И. Ленина (Ленин 1958), и стал постулатом в научной литературе и публицистике начала XX в., что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Брокгауз, Ефрон 1895, т. 32: 723–724).

Советская историография приняла парадигму пауперизации и системного кризиса империи с готовностью и обобщила до закономерности исторического развития о непрерывном обострении нужды и бедствий не только крестьян, но и рабочих в антагонистических общественно-экономических формациях. Она соответствовала марксистскому взгляду на социально-экономическую историю и хорошо укладывалась в марксистскую схему смены феодальной формации на капиталистическую, а капиталистической – на коммунистическую, и потому вошла в обобщающие работы (Новосельский, Устюгов 1955: 198; Кафенгауз 1954: 63, 184–185; Баранович и др. 1957а: 79; 1957б: 7–75; История СССР 1967–1968, т. 3: 24–220, 629–630; т. 4: 238–244; т. 5: 296, 303; т. 6: 22–23; Копанев 1994: 166–167, 213, 234) и учебники по общей истории (Покровский 1934: 93; Нечкина

1955: 2–21, 24–26, 492–498, 639–646, 754–758; Черепнин 1956: 422–425, 505–513, 612–618; Янин 1978: 3–14, 25–31, 78–84; Окладников 1982: 117, 258–259, 278–279, 282; 1983: 107, 118, 197, 243, 267; Удальцова 1986а: 442; 1986б: 329–337, 344) и экономической истории СССР (Лященко 1952: 505–506; Рожкова 1959: 60–61; Хромов 1967: 103–111, 350–351). Например, в обобщающем труде по истории сибирского крестьянства утверждалось, что тенденция ухудшения его материального положения не изменялась 300 лет, от начала XVII в. до начала XX в. «Растущее в течение XVII в. бремя повинностей, усиление зависимости крестьян от государства-феодала, несомненно, тормозили процесс сельскохозяйственного освоения края русскими переселенцами. <...> В XVIII – первой половине XIX в. чрезмерный объем платежей и сохранившиеся формы натуральных повинностей разоряли часть крестьянства, держали многих земледельцев на грани нищеты» (Окладников 1982: 117, 259, 278–279, 282). «В конце XIX – начале XX в. в сибирской деревне усугубляется процесс разложения крестьянства, с одной стороны, и сельской буржуазии – с другой. Происходит дальнейшее обнищание бедняцких и середняцких хозяйств, расширение хозяйств кулаков за счет эксплуатации беднейших крестьян. <...> В годы Первой мировой войны ухудшилось положение трудящихся масс деревни» (Он же 1983: 197, 267).

В серии из одиннадцати документальных сборников *Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века*, подготовленной Институтом истории АН СССР и Главным архивным управлением в 1960-е – 1970-е гг., в предисловии почти к каждому тому неизменно указывалось об обнищании и разорении деревни как важнейшей причине, с одной стороны, крестьянского движения, с другой – социально-политического кризиса, или революционной ситуации, в стране (Валк 1961: 6–7, 12–13; Окунь 1962: 8–13; Шапкарин 1959: 6–23; Зайончковский 1968: 9–10, 17–18, 20, 37–39; Анфимов 1998: 9). Практически во всех работах, включая серьезные монографии по аграрной истории XVII – начала XX в., парадигма пауперизации обростала все новыми аргументами. И. И. Игнатович, писавшая о тяжелом положении дореформенного крестьянства еще в начале XX в., продолжила свои исследования в этом же ключе и в советское время. По ее мнению, уже в первой четверти XIX в. «крестьянская масса под влиянием усиливающейся эксплуатации иногда медленнее, иногда быстрее шла по пути разорения и обнищания. <...> Крестьянские прошения – крик разоряющегося крестьянства о жестокой эксплуатации» (Игнатович 1963: 40–41; 1925).

Н. М. Дружинин в двухтомном труде доказывал, что до реформы П. Д. Киселева положение государственных крестьян было тяжелым: «Обеднение крестьян доходило иногда до грани подлинной нищеты». Он приводил в качестве главного аргумента сведения о недоимках (Дружинин 1946: 89–102, 196–206). Но после реформы, по его мнению, оно стало еще хуже, и он доказывал это новым ростом недоимок (Он же 1958: 147–149,

173–174, 289–290, 452–455, 571–577). После отмены крепостного права положение всех категорий крестьян также ухудшалось (Дружинин 1978: 124–133, 248–265), в результате чего «подавляющая масса крестьянства оказалась в самом тяжелом положении» (Дружинин 1978[U1]: 270). О том же писали П. А. Зайончковский (Зайончков-ский 1958: 137–139, 305–307, 425; 1968: 232–259, 299) и Н. А. Егиазарова (Егиазарова 1959: 121–134).

Большой вклад в утверждение тезиса об абсолютном и относительном обнищании крестьянства внесли работы И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. По их мнению, жизненный уровень помещичьих крестьян во второй половине XVIII – первой половине XIX в. понижался вследствие роста повинностей и снижения уровня земледельческого производства, и эта тенденция, по их мнению, продолжалась в пореформенное время (Милов 1965: 308; Ковальченко, Милов 1966: 55–80; Ковальченко 1967: 288–296; Милов 1998: 213, 416–417, 572).

В 1991–2007 гг. Л. В. Милов продолжал разрабатывать эту тему в ключе географического детерминизма: мачеха-природа, считает он, – главная виновница вечной бедности крестьянства. «Все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. <...> Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание. <...> Находясь в жестком цейтноте (из-за краткости времени, отведенного природой на сельскохозяйственные работы. – Б. М.), пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды» (Милов 1998: 416–417).

На материалах Нечерноземного центра В. А. Федоров демонстрировал усиление в дореформенное время эксплуатации помещичьего крестьянства (Федоров 1974: 225–249; 1980: 36–37), а В. И. Неупокоев – параллельное нарастание помещичьей и государственной эксплуатации с начала XVIII в., когда введено было подушное обложение, до 1861 г. (Неупокоев 1987: 259–262). Внимание Б. Г. Литвака привлек Черноземный центр. Он пришел к заключению, что степень эксплуатации оброчных и барщинных крестьян в конце XVIII – первой половине XIX в. увеличилась (правда, оброки выросли в меньшей степени, чем полагал И. Д. Коваль-ченко), но не согласился с выводом о вымирании помещичьих крестьян и не поддержал тезис о массовом обезземеливании и поляризации крестьянства (Литвак 1961: 115; 1971[U2]: 126–127, 146–151). Относительно уровня жизни в пореформенное время он присоединился к большинству: «Общий объем повинно-

стей в пользу помещиков сократился. Однако это не привело к росту накопленных в крестьянском хозяйстве, так как увеличились государственные и появились новые, земские, повинности. Кроме того, сокращение размеров повинностей не могло компенсировать острую необходимость расходов на аренду или покупку земли. <...> Переход на выкуп форсировал обнищание крестьянства» (Литвак 1972: 411–412; 1991: 152–188).

С. М. Дубровский и П. Н. Першин доказывали, что после отмены крепостного права разоренное реформами и непосильными налогами крестьянство голодало и вымирало (Першин 1966: 44–62; Дубровский 1975: 324–332, 381–382). А. М. Анфимов в своих многочисленных работах убеждал читателей, что грабительская для крестьян отмена крепостного права и непосильность налоговых тягот привели к обнищанию крестьянства в пореформенное время и что стольпинская реформа не изменила тенденцию (Анфимов 1962: 275; 1980: 230–232; 1984: 223–227; 2002: 265). Идея голодного экспорта с цитированием министра финансов в 1887–1892 гг. И. А. Вышнеградского: «Сами недоедим, а вывезем» – прочно вошла в историографию¹ (История СССР 1967–1968, т. 3: 298; Китанина 1978: 42–43).

Мы назвали только наиболее заметные книги, оценивающие ситуацию во всероссийском масштабе, но были десятки работ о положении трудящихся на региональном уровне и сотни исследований о классовой борьбе, в которых тезис о пауперизации крестьян и рабочих в той или иной степени затрагивался. Требуется специальное историографическое исследование, чтобы их рассмотреть; частично эта работа сделана (Нечкина 1963: 330–342; 1966: 315–320, 322, 324–325, 333, 385–391; 1985: 193–196, 201–204, 247–256; Нарочницкий 1978: 36–37, 44–56, 63–66; Хромов 1982: 362–365, 380–389, 397–398, 413–415; Горская 2006; Литвак 1960: 99–120; Литвак 1962: 116–122; Зайончковский[U3]: 85–104; Тарновский[U4]: 31–62; Тарновский: 92–210; Рубинштейн 1957: 6–10; Дубровский 1963: 489–502; Ковальченко 1967: 4–17; Федоров 1974: 4–13; Неупокоев 1987: 3–20).

В постсоветское время тема положения крестьян и рабочих вышла из моды, лишь изредка появляются работы, в которых затрагивается эта проблема, но их авторы в основном придерживаются традиционной парадигмы. Например, С. Г. Кащенко на основании сплошной обработки уставных грамот и выкупных актов в трех северо-западных губерниях пришел к выводу, что величина платежей, приходившихся на десятину удобной земли, возросла на 16 %, дореформенная наделная система была деформирована и урезана. «Новые условия, в целом тяжело сказавшиеся на крестьянстве региона, вели к разорению слабых земледельческих хозяйств и еще большему усилению в пореформенный период зажиточной промысловой верхушки. <...> Уже в 1870-е гг. XIX в. обнаружилось массовое обнищание

¹ Однако нигде не приводится ссылки на источник, из которого взято это высказывание министра.

крестьян, причем северо-западные губернии по сравнению с другими губерниями Европейской России оказались наименее благополучными, отличаясь бедностью и недоимочностью. <...> Не изменилась ситуация к лучшему и в 90-е годы» (Кашенко 1995: 176, 177, 179, 180).

С. А. Нефедов дает интерпретацию основных событий социально-экономической истории России с точки зрения положений демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна. Автор находит убедительными выводы о понижении благосостояния населения России в течение всего периода империи, возможно, потому, что информационная база данных заимствована в основном из советской историографии (Нефедов 2005: 143–147, 171–172, 238–240, 260–267, 273–274). А. Н. Зорин в очень информативной книге о жизни городского населения дореволюционного Поволжья не пытается оценить динамику жизненного уровня за три с половиной века – таковы хронологические рамки его исследования, – однако постоянно подчеркивает бедность и нищету: «Продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, бесконечные штрафы и издевательства администрации, ужасные бытовые условия, полное политическое бесправие – такой предстает картина жизни рабочего люда в дореволюционном русском городе»; «От невыносимых условий труда абсолютное большинство населения было подвержено тяжелым заболеваниям, связанным с профессией». «Нижайший жизненный уровень большинства населения страны» порождал массовое нищенство и всеобщее воровство: «Воровство было необычайно распространено во всех социальных слоях. Приказчики воровали у хозяев, станционные служащие – с вверенных объектов, высокопоставленные чиновники занимались хищениями из казны. Считалось, что воруют все, и если кто не воровал, такой человек представлялся странным, подозрительным, политически неблагонадежным» (Зорин 2001: 208, 202–221).

Постсоветские учебники по-прежнему трактуют динамику положения крестьян традиционным способом – хуже и хуже. С конца XVII до конца XVIII в. уровень жизни систематически понижался. В первой половине XIX в. барщина на д. н. увеличилась на 65 %, оброки помещичьих крестьян – в 3,5 раза, государственных и удельных – в 3 раза; тяжелые для крестьян условия отмены крепостного права, быстрое увеличение населения, высокие налоги были источниками нищеты и отсталости пореформенной деревни (Федосов 1987: 13–15, 157–161; Павленко, Кобрин, Федоров 1989: 244, 258, 289, 291–291, 309, 316–318, 321, 408–409; Милов 2006; Павленко, Андреев, Федоров 2007: 413).

Следует отметить, что консенсус изредка нарушался, но «уклонистов» либо ставили на место, либо игнорировали. Например, А. Л. Шапиро в 1959 г. на всесоюзном симпозиуме по аграрной истории поставил вопрос о парадоксальности ситуации, когда в течение почти тысячи лет, от Киевской Руси и вплоть до Октябрьской революции, положение крестьянства ухудшалось: «Жизненный стандарт эластичен и он может сокращаться, но все-

таки не до бесконечности?» (Шапиро 1961: 221) Но отклика и понимания это не нашло. Несмотря на это, руководимый им авторский коллектив по изучению аграрной истории Северо-Запада России пришел к выводу, что в XV – первой половине XVI в. положение крестьянства было вполне удовлетворительным: на оплату налогов и повинностей уходило около 25–30 %. С середины XVI в. уровень жизни стал понижаться вследствие начавшегося социально-экономического кризиса, вызванного повышением налогов, мором, голодом, Ливонской войной и террором опричников. После незначительной и непродолжительной ремиссии в 1590-е гг. запустение и обнищание населения продолжилось, достигнув апогея в первые десятилетия XVII в. ввиду гражданской войны, иностранной интервенции и резкого увеличения налогов, которые стали поглощать свыше половины дохода крестьянского хозяйства (Шапиро 1971: 363–367, 372–374; 1974: 267–299; 1987: 106–107, 113–118, 179–184). Однако в последующем, вплоть до конца XVII в., положение стало улучшаться (Он же 1989: 63–66, 104, 113–118, 179–184; Копанев 1994: 136–139).

Распространив полученные выводы на Центральную Россию, Шапиро полагал, что «изменения в имущественном положении крестьян напоминают приливо-отливные течения: положение всей массы крестьян то поднимается, то опускается. А вымывание середки не носит характер необратимого процесса и едва заметно на фоне огромных приливов и отливов». (Шапиро 1977: 189). К сожалению, задуманное исследование не было доведено до завершения.

П. Г. Рындзюнский в одиночку настойчиво и смело, вызывая гнев научного сообщества, пытался противостоять утвердившейся парадигме. Почти 20 лет он доказывал, что в конце XVIII – первой половине XIX в. положение крепостного крестьянства не было столь плачевным, как его принято изображать, что крестьянские доходы обгоняли рост повинностей, что численность помещичьих крестьян уменьшалась не потому, что оно вымирало, а по причине социальной мобильности: они переходили в другие сословия и социальные группы (Рындзюнский 1961: 58; 1966: 44–46; 1967; 1978: 49–83; 1983).

Однако что касается пореформенного времени, то и он принял господствующий тезис, причем в утрированном виде, утверждая, что сразу после отмены крепостного права началась массовая пауперизация и пролетаризация крестьянства: «грабительская реформа» обусловила то, что «подавляющая часть крестьян сразу же после реформы оказалась пролетариями и полупролетариями», «утверждение капиталистического строя достигается ценой разорения и порабощения народа» (Он же 1978: 285; 1983: 263).

Не получила адекватного отклика и попытка А. С. Нифонтова доказать, что пореформенное сельское хозяйство динамично развивалось (Нифонтов

1974: 315–317) и, следовательно, вывод, который Нифонтов, правда, не сделал – тезис об аграрном перенаселении и обнищании крестьянства, – повисал в воздухе.

Последняя попытка подвергнуть сомнению стереотип о кризисе российского сельского хозяйства была предпринята в 2003 г. М. А. Давыдовым, который убедительно, на мой взгляд, доказывал: в конце XIX – начале XX в. сельское хозяйство успешно развивалось, потребление крестьянства в этот период было удовлетворительным, тезис о голодном экспорте не выдерживает критики, Столыпинская реформа выводила страну на путь ускоренного развития сельского хозяйства, была своевременна и имела позитивный эффект – мощный подъем аграрного сектора на базе внедрения новой сельскохозяйственной техники, и перспективу – вплоть до 1914 г. происходил стабильный уверенный рост всех основных показателей землеустройства. По мнению Давыдова, в научном сообществе уровень развития сельского хозяйства недооценивался, так как официальные сведения неточны (Давыдов 2003: 197–209, 233–235, 296, 442, 555–556, 564).

Автор этих строк в последние десять лет в ряде статей и в книге *Социальная история России* доказывал, что в XIX – начале XX в. не было ни перманентного социально-экономического кризиса, ни обнищания населения (Миронов 2003б, 2: 344–350).

В данной статье сделана попытка ответить на вопрос, наблюдался ли в России неомальтузианский кризис в 1801–1914 гг. на основе анализа доходов и повинностей российского крестьянства в этот период.

ДОХОДЫ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН В 1801–1860 гг.

Повинности государственных и удельных крестьян

Начнем с государственных и удельных крестьян, на долю которых в 1795 г. приходилось 40 % всего крестьянства и 36 % от всего населения, а в 1857 г. – соответственно 43,9 и 52,8 % (Кабузан 1971: 114–115, 176–177). Имеющиеся данные позволяют думать, что в целом 1801–1850 гг. сравнительно с XVIII в. были для них более благоприятны в фискальном и экономическом отношении, так как бремя налогов и оброков понизилось.

Прямой подушный налог до 1860 г. был единым для огромного большинства крестьянства (Руковский 1862: 5–16; Неупокоев 1987: 21–44), а оброчная подать для государственных и удельных крестьян с 1798 г. стала дифференцированной. Губернии, до некоторой степени сообразно с уровнем хлебных цен и доходности земель, были разделены на четыре разряда, и в каждом из них была установлена соответствующая величина подати; с 1824 г. у 16 губерний (включая четыре сибирские) разряд был повышен,

что увеличило тяжесть налогов (Руковский 1862: 17–40; Неупокоев 1987: 95–155) (см. Табл. 1).

Табл. 1. Численность государственных и удельных крестьян мужского пола по губерниям в 1795, 1815, 1815, 1833, 1857 гг. (в тыс.) и податной разряд губернии

Губерния	Численность крестьян				Разряд губернии	
	1795 г.	1815 г.	1833 г.	1857 г.	1798 – 1823 гг.	1824 – 1860 гг.
Архангельская	82 997	78 994	89 735	103 494	IV	IV
Астраханская	31 912*	11 852	17 803	42 090	II	II
Белостокская	-	44 415	53 944	47 843	III	III
Виленская	116 457	152 234	231 771	229 089	III	III
Витебская	58 168	53 696	81 209	77 697	IV	IV
Владимирская	142 729	145 042	170 018	184 643	I	I
Вологодская	189 238	199 793	240 784	296 718	III	II
Волынская	125 062	51 686	130 861	210 432	III	III
Воронежская	271 842	335 629	458 560	586 662	I	I
Вятская	438 073	510 169	659 326	894 281	I	I
Гродненская	9 806	59 474	100 821	99 509	III	III
Екатеринославская	120 374	156 464	221 435	262 048	III	II
Иркутская	192 582	257 861	135 238	361 141	IV	III
Казанская	319 140	370 238	458 613	557 517	I	I
Калужская	63 466	73 708	98 056	110 702	I	I
Киевская	49 826	109 171	142 922	167 945	III	II
Костромская	111 122	118 336	139 162	152 852	I	I
Курляндская	80 047	66 261	82 014	84 977	III	III
Курская	287 281	282 428	351 854	435 410	I	I
Лифляндская	47 915	61 604	80 803	84 866	III	III
Минская	53 041	62 692	90 012	87 976	III	III
Могилевская	14 094	27 761	40 215	42 162	III	III
Московская	135 975	141 855	131 956	207 034	II	I
Нижегородская	102 319	121 568	154 548	178 117	I	I
Новгородская	122 645	132 503	171 814	190 600	IV	III
Олонецкая	85 403	89 619	99 719	111 995	IV	IV
Оренбургская	177 259	293 192	413 774	542 240	III	II
Орловская	144 897	165 878	223 905	269 113	I	I

Губерния	Численность крестьян				Разряд губернии	
	1795 г.	1815 г.	1833 г.	1857 г.	1798 – 1823 гг.	1824 – 1860 гг.
Пензенская	136 107	167 257	198 947	239 062	I	I
Пермская	206 499	313 317	405 288	617 869	IV	II
Подольская	42 680	71 701	114 302	197 001	III	III
Полтавская	351 998	346 497	390 836	462 288	III	III
Псковская	85 150	94 961	105 171	111 657	III	III
Рязанская	113 462	134 000	181 779	224 223	I	I
С.-Петербургская	47 522	55 244	70 785	79 610	III	I
Саратовская	139 050	262 461	411 963	584 811	I	I
Симбирская	185 790	224 690	288 873	377 866	I	I
Смоленская	85 861	75 694	92 837	94 950	II	II
Ставропольская	–	345 955	56 700	86 828	II	II
Таврическая	99 651	175 099	207 781	249 476	III	II
Тамбовская	230 273	280 766	345 882	431 439	I	I
Тверская	154 995	179 602	218 907	253 311	II	I
Тобольская	178 927	255 600	306 432	384 761	IV	III
Томская	147 215	206 668	277 813	366 494	IV	III
Тульская	58 277	64 472	78 870	95 233	I	I
Харьковская	266 626	310 920	382 022	435 894	III	IV
Херсонская	54 797	96 428	181 379	221 605	III	II
Черниговская	227 713	232 485	282 530	320 985	III	III
Эстляндская	4 128	8 455	13 585	10 175	III	III
Ярославская	84 087	95 121	110 461	122 118	I	I

* Вместе со Ставропольской губернией.

Подсчитано по: Руковский 1862: 32–36; Кабузан 1971: 11–115, 176–177.

В 1810–1815 гг. оброчная подать с государственных крестьян дважды повышалась (см. Табл. 2). Увеличение налогов затронуло и удельных крестьян, но в меньшей степени, вследствие чего в 1810–1823 гг. их податное бремя было меньшим. В 1824 г. удельные оклады в губерниях I и IV класса сравнялись с казенным, а в губерниях II и III класса были в среднем на 2 руб. ниже. Полное выравнивание податей у двух категорий крестьян произошло в 1839–1843 гг. в связи с переходом от подушного к поземельному сбору налогов (История уделов 1901: 79–90; Дружинин 1946: 46–52). Таким образом, до 1810 г. и в 1842–1860 гг. налоговое бремя удельных крестьян

было одинаковым с казенными, в 1810–1823 гг. – на 24 % ниже, в 1824–1840 гг. – на 10 % ниже.

Чтобы определить реальную тяжесть налогового бремени, необходимо, во-первых, устранить влияние изменений в денежной системе, для чего переведем налоги и повинности в серебро (см. Табл. 2).

Табл. 2. Налоги у государственных, удельных крестьян и мещан в России в период 1771–1860 гг. в годы их изменения

Годы	В номинальных копейках					В серебряных копейках*						
	Подушный налог с крестьян	Оброчная подать с крестьян по разрядам губерний				Налог и оброк с мещан	Подушный налог с мещан	Оброчная подать с крестьян по разрядам губерний				Налог и оброк с мещан
		I	II	III	IV			I	II	III	IV	
1771 – 1780	71,5	200	200	200	200	120	70	197	197	197	197	118
1781 – 1790	71,5	285	285	285	285	120	68	272	272	272	272	115
1791 – 1-я пол. 1794	71,5	306	306	306	306	160	54	228	228	228	228	120
2-я пол. 1794	102,0	306	306	306	306	200	73	228	228	228	228	150
1795 – 1797	102,0	306	306	306	306	200	76	227	227	227	227	148
1798 – 1809	126,0	510	459	408	357	250	83	334	301	267	234	164
1810 – 1811**	200,0	800	700	600	550	500	52	207	181	155	142	130
1810 – 1811***	200,0	610	559	508	457		52	158	145	132	118	
1812 – 1815**	300,0	1 000	900	800	750	800	68	226	203	181	170	181
1812 – 1815***	300,0	825	700	650	600		68	186	158	147	136	
1816 – 1840**	330,0	1 000	900	800	750	830	85	257	231	206	193	213
1816 – 1823***	330,0	825	700	650	600		85	213	181	168	155	
1824 – 1840***	330,0	1 000	800	750	600		90	272	218	204	163	
1841 – 1858							95	286	258	229	215	238
1859 – 1860							95	300	271	241	215	238

* Курс текущего (номинального) рубля до 1840 г. относительно серебряного рубля в 405 долей (18 г), с 1841 г. – золотого рубля в 26,136 доли (1,1614 г) чистого золота.

** Подати с казенных крестьян.

*** Подати с удельных крестьян.

Подсчитано по: Руковский 1862: Приложение. Табл. 1, 2, 5–7.

Теперь оценим динамику платежей по десятилетиям в среднем по России. В Табл. 3 приведены данные о платежах казенных и удельных крестьян в текущей (стлб. 2) и серебряной валюте (стлб. 5). Бросается в глаза скачкообразный рост платежей в текущей валюте, связанный с тем, что налоги и повинности повышались не постоянно, а через большие интервалы времени: правительство увеличивало налоги, чтобы компенсировать снижение реальной ценности налоговых поступлений вследствие постоянной и значительной инфляции. Платежи крестьян в постоянной валюте (стлб. 7) достигли максимума в 1801–1810 гг.; в последующем они то повышались, то понижались, но постоянно были ниже, чем в 1801–1810 гг.

Табл. 3. Платежи государственных, удельных крестьян и мещан в 1770–1860 гг. на душу мужского пола

Годы	Налог и оброк в номинал. коп.		Курс текущего рубля	Налог и оброк в сер. коп.		Индекс платежей с крестьян			Индекс платежей с мещан			Длина тела мужчин (см)
	Крестьяне	Мещане		Крестьяне	Мещане	В сер. коп.	Индекс хлеб. плат.	В натуре	В сер. коп.	Индекс плат. плат.	В натуре	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1781 – 1790	356	120	95,5	340	115	100	100	100	100	100	100	160,3
1791 – 1800	447	191	71,8	321	144	95	116	81	125	114	110	161,2
1801 – 1810	604	201	61,6	372	169	110	135	81	147	141	104	163,3
1811 – 1820*	1 168	785	24,5	286	192	84	120	70	167	127	131	164,8
1821 – 1830*	1 235	830	26,5	327	220	97	104	93	191	112	171	163,9
1831 – 1840*	1 245	830	27,6	343	229	101	136	74	199	132	151	164,3
1841 – 1850	363	243	98,1	356	238	105	130	81	207	141	147	164,8
1851 – 1860	377	250	95,2	359	238	106	162	65	207	153	135	165,7

* Только государственные крестьяне.

Источники: Миронов 1985: 36–37, 46–47; 2003а: 261–283. См. также примечание к Табл. 2.

Но и перевода платежей в постоянную валюту недостаточно, чтобы получить представление о реальной тяжести налогов. Необходимо учесть динамику хлебных цен, потому что, во-первых, средства для уплаты налогов и

повинностей давала продажа сельскохозяйственных продуктов; во-вторых, денежная часть в доходах и расходах крестьян была значительной, например в 1880–1890-е гг. она составляла 41 % (Материалы Комиссии 1903, ч. 1: 36; Анфимов 1984: 161, 171). Выражая платежи в хлебных ценах и принимая 1780-е гг. за 100 (табл. 3, стлб. 9), обнаруживаем, что с конца XVIII в. реальная тяжесть налогов и повинностей у государственных и удельных крестьян имела тенденцию уменьшаться: в 1791–1810 гг. она понизилась у обеих категорий на 19 %, в 1811–1820 гг. – еще на 11 % у казенных и на 35 % у удельных. В 1820-х гг. вследствие падения хлебных цен, а для удельных крестьян также и ввиду повышения оброчной подати реальное бремя платежей временно выросло, оставаясь, однако, ниже уровня 1780-х гг. В последующие 30 лет оно уменьшалось и в 1850-е гг. было на 35 % меньше, чем в 1780-х гг., для обеих категорий крестьян.

В нашем расчете не учтены некоторые менее значительные повинности, выполнявшиеся крестьянами, – земские, рекрутская, постоянная и дорожная. Однако не учтены и доходы крестьянского хозяйства от усадебной земли, животноводства, лесов, общинной собственности (они назывались мирскими оброчными статьями), рыболовства, охоты, собирательства, женского рукоделия, которые, как правило, компенсировали недоучет некоторых платежей, так как величина последних была по сравнению с оброками незначительной. По расчету Комитета по устройству земских повинностей, в 1849 г. постоянная, подводная и дорожная повинности, единые для всех категорий крестьян, в денежном выражении равнялись 61,75 коп. сер., земские – 32,1 коп. сер., все вместе – 93,9 коп. сер. на м. д., что составляло 2,1 % от общего дохода. Между тем только доход от огородов, расположенных на усадебной земле, составлял не менее рубля на м. д. в год (РГИА 1850: 22, 27), одна корова приносила дохода в год около 7 руб., коза – 1,5 руб., овца – 0,5 руб. и свинья – 2,1 руб. (Хоз.-стат. материалы 1857: 42–43)

Например, в Костромской губернии в 1850-е гг. средний доход от огородов на м. д. составлял 3,35 руб., от лесов – 0,24 руб., от общинной собственности – 0,1 руб., от сенокосов и выгонов – 7,1 руб., всего – 10,8 руб. (Материалы для статистики. 1861: отдел В. С. 43, 83, 107), а постоянная, подводная, дорожная (0,49 руб.) и земские повинности (0,46 руб.) равнялись совокупно лишь 0,95 руб. на м. д. (РГИА 1850: 22, 27). Во Владимирской губернии перечисленные доходы давали в сумме 7,1 руб., а дополнительные повинности требовали 0,99 руб. (Материалы для статистики. 1871: отдел В. С. 5; РГИА. 1850: 22, 27), в Нижегородской губернии – соответственно 8,12 руб. и 1,57 руб., кроме того, животноводство приносило в год 4,34 руб. на м. д. (Хоз.-стат. материалы 1857: 43; РГИА 1850: 22, 27).

Что касается воинской повинности, то в 1801–1860 гг., за 60 лет, было призвано в армию 4,3 млн рекрутов, в среднем 71,6 тыс. в год, что составляло 4,4 % среднегодовой численности мужчин в трудоспособном возрасте

от 18 до 60 лет включительно², а за весь XVIII в. – соответственно 2,03 млн и 2,3 %³ (см. табл. 4).

Табл. 4. Бремя воинской повинности в России в 1781–1860 гг.

Годы	Призвано рекрутов		Население Европейской России, тыс.	Доля рекрутов (в %)		Цена одного рекрута, руб.*	Среднегодовая цена всех рекрутов, руб.*	Рекрутская повинность в год на м. д.	
	Всего	В год		В населении	Среди мужчин в возрасте 18–60 лет			Руб. сер.*	Пудов ржи
1781–1790	509 123	50 912	28 120	0,18	4,4	450	22910400	1,63	5,0
1791–1800	311 351	31 135	36 230	0,09	2,1	359	11177465	0,62	1,9
1801–1810	501 483	50 148	39 335	0,13	3,1	308	15445584	0,79	2,3
1811–1820	1 059 233	105 923	43 888	0,24	5,8	245	25951135	1,18	3,9
1821–1830	446 611	44 661	46 244	0,10	2,3	245	11835165	0,51	2,0
1831–1840	655 916	65 592	50 284	0,13	3,1	275	18037800	0,72	1,8
1841–1850	807 033	80 703	52 736	0,15	3,7	485	39140955	1,48	4,2
1851–1860	824 487	82 449	55 815	0,15	3,6	485	39987765	1,43	3,7

* В сер. руб. 1764 г. 18 г чистого серебра.

Подсчитано по: Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1: 121–122, 150–152; Отд. 2: 131–132, Приложение. С. 40; Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2: 207; Бескровный 1973: 69–80; Кабузан 1963: 164–165. Численность населения на середину десятилетия получена методом интерполяции по среднегодовым темпам прироста населения между ревизиями.

Из сделанных расчетов следует, что тяжесть рекрутской повинности существенно изменялась по десятилетиям и зависела от частоты и величины призывов, а последние в свою очередь – от политической и военной конъюнктуры. В течение XVIII – первой половины XIX в. максимальный уровень повинности наблюдался в 1780-е гг. в связи с русско-турецкой войной, в 1810-е гг. – в связи с Отечественной войной 1812 г., в 1840-е гг. – в связи с революционными событиями в Европе и

² Доля мужчин в возрасте 18–60 лет во всем населении, равная 24,14 %, была определена по данным переписи населения 1897 г. (Общий свод 1905: 56–59). По расчетам В. Я. Буняковского, в 1860-е гг. она составила 26,12 % (Буняковский 1865:120, 124).

³ Население Украины до 1795 г. было освобождено от рекрутской повинности (Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. С. 130). Однако соответствующие поправки в численность населения изменяют бремя воинской повинности для великороссийских губерний незначительно: например, в 1720-е гг. доля рекрутов среди мужчин в возрасте 18–60 лет составляла 2,2 %, в 1780-е гг. – 4,7, в 1790-е гг. – 2,2 %.

в 1850-е гг. – в связи с Крымской войной. Если перевести натуральную воинскую повинность на деньги по цене за рекрута или на хлеб по цене ржи, то окажется, что в XIX в. (до 1874 г.) она была в целом тяжелее, чем в XVIII в. В 1810-е – 1820-е гг. в ряде местностей Европейской России разрешалось рекрутскую повинность выполнять деньгами: по 1 000 руб. ассигнациями за одного рекрута, а в Сибири – по 2 000 руб. (Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1: 45, 53, 56). Новый Рекрутский устав 1831 г. узаконил замену натуральной повинности деньгами по 1 000 руб. за рекрута (Столетие 1902–1904: Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2: 34). В 1840-е – 1860-е гг. вошли в официальное употребление рекрутские квитанции, которые мог купить каждый военнообязанный и при очередном наборе откупиться от службы (Обручев 1871: 4–5). Квитанция стоила 485 руб. сер.⁴ Средняя цена рекрута в 1751–1800 гг. равнялась около 254 руб. сер., с 1801 по 1860-е гг. – 350 руб. Зная число призванных на службу, легко определить цену всего набора в год, а разделив ее на численность мужского населения страны в данном году, найдем денежное выражение рекрутской повинности на мужскую душу в учетном году. Расчет по описанной процедуре показал, что в 1751–1800 гг. воинская повинность стоила населению примерно 0,41 руб., в 1851–1860 гг. – 1,31 руб. сер. на мужскую душу в год, т. е. увеличилась в серебряных деньгах в 3,2 раза, а в переводе на рожь – в 1,5 раза. Однако если мы включим цену воинской повинности в общую сумму налогов, то реальная тяжесть платежей все равно будет отставать от роста доходов казенных и удельных крестьян.

Снижение тяжести налогов и повинностей в первой половине XIX в. в условиях стабильности сельскохозяйственного производства означало, что продовольственные остатки у государственных и удельных крестьян для личного пользования увеличивались и, значит, базисные условия их жизни, включая питание, улучшались. Доходы государственных и удельных крестьян в дореформенное время обгоняли расходы, что явилось основой повышения их уровня жизни. Подчеркнем, что этот вывод не учитывает неземледельческих доходов крестьян, которые в рассматриваемое время существенно увеличились.

Повинности и доходы помещичьих крестьян

В советской историографии бытовало мнение, что в дореформенное время положение удельных и государственных крестьян хотя и было «несколько лучше», чем помещичьих, но они также страдали от малоземелья и оброков, которые со временем становились все выше и непосильнее

---

⁴ Казна, нанимавшая охотника, платила ему 300 руб., остальные деньги шли на обмундирование, будущую пенсию и на оплату налога до следующей ревизии (Обручев 1871: 4–5; Брокгауз, Ефрон 1897, т. 39: 458).

(История СССР 1966–1967, т. 4: 244–245; Дружинин 1946: 46–51, 196–207, 328–345; 1958: 192).

Однако этот вывод не подкреплялся экономическим анализом, а основывался исключительно на данных о росте номинальных платежей без учета инфляции, хлебных цен и доходности крестьянского хозяйства.

Оценить тяжесть налогов и ренты (оброка и барщины) для помещичьих крестьян из-за огромного разнообразия владельческих повинностей намного сложнее. Имеется немало работ, авторы которых привели сведения о барщине и оброке в отдельных имениях, но все это частный иллюстративный материал. Обратимся к попыткам общей оценки величины ренты. В 1850-е гг. чисто оброчных крестьян насчитывалось около 18,5 %, барщинных – 44,5 %, и 37 % исполняли смешанную повинность (Ковальченко 1967: 66–67). Рассмотрим сначала динамику оброков. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов полагали, что в первой половине XIX в. происходило относительное и абсолютное обнищание крестьянства, вследствие того, что повинности росли быстрее их доходов, а основное бремя обложения падало на середняков и бедняков (Ковальченко, Милов 1966: 55–80; Ковальченко 1967: 288–296) П. Г. Рындзюнский бросил тень сомнения на эти выводы, утверждая, основываясь на внутренней критике приведенных данных, что рост платежей «в какой-то мере» соотносился с ростом доходности крестьянского хозяйства, а раскладка повинностей внутри общины носила прогрессивный характер – на богатых ложилась большая часть оброчных платежей (Рындзюнский 1966: 52–53). Напротив, Н. М. Дружинин полностью поддержал выводы Ковальченко и Милова (История СССР 1966–1967, 4: 238–244), а В. А. Федоров их слегка откорректировал: персонально богатый крестьянин, по его мнению, действительно платил существенно больше бедняка и середняка, но тем не менее, именно последние несли основную тяжесть оброчных платежей (Федоров 1974: 225–249).

В первой половине XIX в. налоги и повинности помещичьих крестьян номинально увеличивались, что было неизбежно вследствие инфляции и роста цен. Вопрос в другом – соотносились ли платежи с доходами? На мой взгляд, ни один из сторонников тезиса об обнищании крестьянства не привел полных и достоверных данных о доходах крестьян. Исследователи оперируют сведениями об урожаях и посевах, скоте, заработках крестьян от промыслов, забывая, что статистика, как говорилось выше, существенно преуменьшала уровень сельскохозяйственного производства – главный источник доходов большинства крестьянства. Трудно сомневаться, что и промысловые заработки преуменьшались крестьянами, так как они всегда все свои доходы занижали. Рассмотрим в качестве примера ключевую таблицу из работ И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, доказывающую, по их мнению, тезис об обнищании оброчных помещичьих крестьян, в которой нами добавлена только последняя строка – чистый доход на мужскую душу, оставшийся у крестьян после полной уплаты оброка (см. Табл. 5).

Табл. 5. Соотношение доходов и оброков у помещичьих крестьян в конце XVIII и середине XIX в. (руб. серебром на мужскую душу)

	Московская губ.			Тверская губ.			Орловская губ.			Рязанская губ.		
	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в %)	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в %)	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в %)	Кон. XVIII в.	Сер. XIX в.	Рост (в %)
Сбор хлебов и картофеля на м.д., чтв.	5,44	6,05	11,2	7,07	9,23	30,6	10,86	11,44	5,3	10,11	10,9	7,8
Цена ржи, руб. за чтв.	3,56	3,8	6,7	4	4,5	12,5	1,82	2,39	31,3	2	2,58	29
Цена овса, руб. за чтв.	1,98	2,59	30,8	2,09	2,22	6,2	1,25	1,7	36	1,49	1,82	22,1
Доход от земледелия на м.д., руб.	15	17,5	16,7	22	30,5	38,6	20	29	45	20,2	23,5	16,3
Заработок промыслового работника, руб.	32	66	106,3	14	30	114,3	7	15	114,3	15	30	100
Занято промыслами, тыс. чел.	23,5	66,8	184,3	27,9	48,9	75,2	16	24,5	53,1	15,3	44,7	192,2
Доход от промыслов на м. д., руб.	8	21,8	172,5	2,8	9,9	253,6	1,1	3,8	236,4	2,7	9	233,7
Доход от земледелия и промыслов на м.д., руб.	23	39	69,6	25	40,5	62	21	33	57,3	23	32	39,1
Оброк на м. д., руб.	4,8	11,4	137,5	4,5	13,1	191,1	4	12,5	212,5	4,5	11,8	162,2
Оброк с м. д. в переводе на рожь, чтв.	1,35	3	122,2	1,1	2,91	164,6	2,19	5,23	138,8	2,25	4,57	103,1
Оброк в процентах к общему доходу	20,9	29,2		18	32,3		19,1	37,9		19,6	36,3	
Чистый доход на м.д.	18,2	27,6	51,6	20,5	27,4	33,7	17,0	20,5	20,6	18,5	20,2	9,2

Источник: Ковальченко 1967: 293; Ковальченко, Милов 1966: 67. В расчетах есть арифметические ошибки, но таблица оставлена в первоизданном виде.

В Табл. 5 все данные получены путем весьма приблизительных расчетов. Сведения о сборе хлебов взяты из губернаторских отчетов за 1785–1796 гг. и 1850-е гг. Если за 1851–1860 гг. данные по всем десяти годам, то за

XVIII в. по Московской губернии они охватывают только 1795 г., по Рязанской – три года, по Тверской – четыре, по Орловской – пять лет. В основном данные о сборе хлебов относятся к 1780-м гг. и не к помещичьим крестьянам, а ко всем категориям крестьян и помещикам, вместе взятым. Следовательно, данные отражают уровень земледелия не в помещичьей деревне, а во всем сельском хозяйстве в 1780-х гг. Для расчета душевых показателей численность населения взята по ревизиям 1795 г. и 1857 г., поэтому относится не к середине временных интервалов. Ввиду этого средний сбор на душу населения преуменьшен, например за 1785–1796 гг. он занижен на 5 %, так как за 5 лет, 1791–1795 гг., население увеличилось примерно на 5,2 % (Кабузан 1971: 95–118).

К каким конкретным годам относятся цены на рожь и овес на конец XVIII в., не указывается. Нам приходилось работать с делами из Российского государственного архива древних актов, на которые ссылаются авторы. В них содержатся сведения о хлебных ценах по месяцам по уездам за 1796–1801 гг. Если опираться на эти данные, доход от земледелия на 1780–1790-е гг. будет преувеличен, так как цены в 1790-е гг. быстро повышались. На середину XIX в. авторы взяли цены за 1847–1853 гг. вместо 1851–1860 гг., вследствие чего доход от земледелия на середину XIX в. оказался заниженным примерно на 17 %, так как средние цены на рожь в 1847–1853 гг. были на 14 %, а на овес на 21 % ниже, чем в 1850-е гг. (Миронов 1985: 232–243).

Сведений о доходах от промыслов у помещичьих крестьян вообще нет, более того, отсутствуют данные о числе промысловых помещичьих крестьян, занятых промыслами. Число последних в 1850-е гг. оценивается по доле таковых у государственных крестьян, а в конце XVIII в. – для Тверской и Рязанской губерний путем экстраполяции сведений по казенным крестьянам за 1828 г. и в 1850-е гг., в Московской – по числу взятых паспортов на рубеже XVIII–XIX вв., а для Орловской – по аналогии с Московской. Сведения о промысловых доходах государственных крестьян имеются только по Московской губернии и относятся не к началу 1850-х гг., как указывают авторы (Ковальченко, Милов 1966: 76–77), а к периоду с 1848 по 1850-е гг. (Материалы для статистики 1858, вып. 1: 1), значит, несколько преуменьшены, поскольку в 1850-е гг. число отходников увеличилось. По остальным губерниям доходы вычисляются на основе весьма ориентировочных сведений о заработной плате отходников. Как видим, данные о промысловых доходах помещичьих крестьян носят предположительный характер, в особенности для конца XVIII в.

Оценки величины оброка также вызывают много вопросов, особенно по XVIII в. По Московской губернии, со ссылкой на книгу Л. В. Милова, оброк на конец XVIII в. принимается в 4 сер. руб. на мужскую душу (Ковальченко, Милов 1966: 77). Но в указанной работе содержатся данные об об-

роках только за 1769–1773 гг. – 1,9 руб., а за 1790-е гг. приводится информация только по Нижегородской губернии – 9,3 асс. руб. (6,1 сер. руб.), с оговоркой, что другой нет (Милов 1965: 271–304). По нечерноземным губерниям за 1780-е гг. сообщается величина оброка в Костромской (4,3 асс. руб.) и Вологодской (3,9 асс. руб.) губерниях. По-видимому, оброк по Московской губернии в 4,8 руб. относится к 1780-м гг. и получен путем экстраполяции, но неизвестно, каким образом. По Орловской губернии у Милова данные только за 1770-е гг. – в среднем по четырем уездам оброк равнялся 4,5 руб. (Милов 1965: 301–302). Между тем при расчете на конец XVIII в. оброк принят в 4 руб. – меньшим, чем он был за 20 лет до этого, а он должен был увеличиться в 1780-е гг. за десятилетие по аналогии с другими губерниями примерно на рубль – до 5,5 руб. (Семевский 1903: XIII). По Тверской губернии приводятся данные на конец 1770-х – начало 1780-х гг. (3 руб.) и начало 1800-х гг. (9,3 асс. руб.), и затем безо всякого объяснения принимается, что в конце XVIII в. «средний размер оброка составлял 5–6 руб. асс., или 4,5 руб. сер» (Ковальченко, Милов 1966: 77), хотя 5–6 асс. руб. в 1790-е гг. равноценны 3,9 руб. сер. (так как средний курс ассигнаций в эти годы составлял 0,712), а арифметическая средняя оброков за 1770 – начало 1800-х гг. равняется 5,2 сер. руб. В методическом разделе авторы объясняют, что по Рязанской губернии принят оброк по сведениям И. Д. Ковальченко в Скопинском уезде в 1780–1782 гг., равный 6,2 асс. руб. (Ковальченко, Милов 1966: 77; Милов 1965: 301). В книге Милова имеются сведения об оброке в Егорьевском уезде в 1780-е гг. – 5,5 асс. руб. (Милов 1965: 282–283), в книге Ковальченко средний оброк по 6 уездам в 1780-е гг. составил 5,8 сер. руб. (Ковальченко 1967: 290). Однако в расчет включен оброк в 4,5 руб. Как видим, ключевые для расчета данные об оброках также получены путем косвенных оценок, причем для трех губерний относятся к 1780-м гг., а для Тверской – к 1770-м гг. Между тем хлебные цены для подсчета дохода от земледелия принимаются за 1796–1800 гг.

Итак, данные для принципиального расчета о соотношении доходов и оброков помещичьих крестьян не только ориентировочны, они сконструированы таким образом, что завышают доходы помещичьих крестьян на конец XVIII в. и преуменьшают их на середину XIX в., вследствие чего и стал вывод о негативной тенденции в уровне жизни крестьянства. Однако даже этот несовершенный расчет открывает удивительный факт, который входит в полное противоречие с утверждением об обеднении крестьян – после уплаты оброка у крестьян в 1850-х гг. оставалось на душу населения больше денег, чем в 1780-е гг.: в Московской губернии – на 51,6 %, в Тверской – на 33,7%, в Орловской – на 20,6 % и Рязанской – на 9,2 % (при устранении арифметических ошибок – соответственно 53,3; 34,5; 18,7; 12,5). Там, где промыслы были более развиты, на большую величину повысились доходы крестьян и выше был уровень их жизни. Иначе говоря, в последние

семьдесят лет существования крепостного права никакого абсолютного обнищания помещичьих крестьян не наблюдалось. Если же внести минимальные поправки в эти расчеты (точно идентифицировать годы, к которым относятся сведения, синхронизировать данные о населении, ценах и оброках, включить в расчет прямой подушный налог)⁵, то не обнаружится и относительного обеднения. В Табл. 6 приведены расчеты доходов и платежей в денежном, а в Табл. 7 – в натуральном, или зерновом, выражении.

Табл. 6. Доходы и платежи у помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу)

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %
Сбор хлебов и картофеля на м. д., пуд.	40,46	43,56	8	54,83	67,84	24	80,90	83,51	3	75,57	79,57	5
Цена ржи, руб. за пуд.	0,334	0,481	44	0,380	0,450	18	0,233	0,346	48	0,276	0,346	25
Цена овса, руб. за пуд	0,337	0,560	66	0,295	0,439	49	0,206	0,379	84	0,233	0,386	66
Доход от земледелия на м. д., руб.	13,56	22,29	64	19,01	30,23	59	18,03	29,97	66	19,58	28,77	47
Заработок промыслового работника, руб.	32,00	66,00	106	14,00	30,00	114	7,00	15,00	114	15,00	30,00	100
Занято промыслами, тыс. чел.	23,50	66,80	184	27,90	48,90	75	16,00	24,50	53	15,30	44,70	192
Доход от промыслов на м. д., руб.	8,00	21,80	173	2,80	9,90	254	1,10	3,80	245	2,70	9,00	233

⁵ Доход от всех яровых определен по цене овса, а озимых – по цене ржи; четверть (объемная хлебная мера) переведена в пуды в следующей пропорции: четверть ржи весит 8,9 пуд., четверть овса – 5,7 пуд. Сведения о ценах в: Миронов 1985: 68–71, 241–244, 262–263.

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %
Доход от земледелия и промыслов на м. д., руб.	21,56	44,09	104	21,81	40,13	84	19,13	33,77	77	22,28	37,77	70
Оброк на м. д., руб.	4,80	11,40	138	5,20	13,10	152	5,50	12,50	127	5,80	11,80	103
Налог на м. д., руб.	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40
Оброк и налог на м. д., руб.	5,48	12,35	125	5,88	14,05	139	6,18	13,45	118	6,48	12,75	97
Оброк к общему доходу, %	22,26	25,86	4	23,84	32,64	9	28,75	37,01	8	26,03	31,24	5
Налог к общему доходу, %	3,15	2,15	-1	3,12	2,37	-1	3,55	2,81	-1	3,05	2,52	-1
Оброк и налог к общему доходу, %	25,42	28,01	3	26,96	35,01	8	32,31	39,83	8	29,08	33,76	5
Чистый доход на м. д., руб.	16,08	31,74	97	15,93	26,08	64	13,95	20,32	46	15,80	25,02	58

Табл. 7. Доходы и платежи помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в пудах ржи и овса на мужскую душу)

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %
Сбор хлебов и картофеля на м. д., пуд.	40,46	43,56	8	54,83	67,84	24	80,9	83,51	3	75,57	79,57	5
Доход от промыслов на м. д., пуд.	23,84	41,88	76	8,29	22,27	169	5,00	10,48	110	10,61	24,59	132

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %
Доход от земледелия и промыслов на м. д., пуд.	64,30	85,44	33	63,13	90,11	43	85,91	93,99	9	86,18	104,16	21
Оброк с м. д., пуд.	14,31	21,90	53	15,40	29,47	91	25,01	34,48	38	22,80	32,24	41
Налог с м. д., пуд.	2,03	1,83	-10	2,01	2,14	6	3,09	2,62	-15	2,67	2,60	-3
Оброк и налог с м. д., пуд.	16,34	23,73	45	17,41	31,61	82	28,10	37,10	32	25,47	34,84	37
Оброк и налог к общему доходу, %	25,41	27,77	2	27,58	35,08	8	32,71	39,47	7	29,55	33,45	4
Чистый доход на м.д., пуд	47,96	61,72	29	45,72	58,50	28	57,81	56,89	-2	60,71	69,32	14

Как следует из данных Табл. 6, чистый доход помещичьих крестьян на мужскую душу после оплаты основных повинностей – подушных и оброка – с 1780-х гг. – точки наибольшего падения благосостояния крестьянства в XVIII в. – до 1850-х гг. – точки максимального повышения уровня жизни в дореформенный период – увеличился в целом для четырех губерний в 1,66 раза: в Московской – в 1,97 раза, в Тверской – в 1,64 раза, в Орловской – в 1,46 раза и в Рязанской губернии – в 1,58 раза. Оброк и подушный налог поглощали около 29 % крестьянских доходов в конце XVIII в. и 34 % в середине XIX в. В действительности – меньше, так как доход от земледелия подсчитан по официальной статистике о сборах хлебов, которые их занижали на 10–30 %. Это особенно важно для аграрных губерний – Орловской и Рязанской. Если внести 20%-ную поправку на преуменьшение доходов от земледелия, то общие доходы крестьянского двора возрастут, соответственно платежи в процентах к общему доходу понизятся, и ни в одной из четырех губерний не будут превышать 34 %, а в среднем для четырех губерний составят: в 1780-е гг. – 25 %, в 1850-е гг. – 30 %. Это достаточно умеренный уровень обложения налогами и повинностями. Обычно, исходя из трехдневной барщины, полагают, что только рента поглощала как минимум 50 % крестьянских доходов. У нас же получается, что все платежи поглощали около 30 %. Правда, в данном расчете не учтены земские, рекрутская, подводная, дорожная и постоянная повинности. Однако не учтены и некоторые доходы крестьянского хозяйства от животноводства, огородов, охоты, рыболовства, собирательства, женского рукоделия, которые с лихвой компенсировали недоучет некоторых платежей, так как величина их

была незначительной. Как указывалось выше, в 1849 г. все неучтенные повинности, кроме рекрутской, в денежном выражении составляли 0,94 руб. сер., воинская – около 1,09 руб. на душу населения, а доход только от животноводства превышал 4 руб.

Важно и то, что доля платежей в доходах крестьян в дореформенный период увеличилась несущественно – в среднем для четырех губерний на 5 %. Столь незначительные изменения доли платежей могут объясняться ошибками выборок и свидетельствуют о том, что и тезис об относительном, т. е. относительно помещиков, обеднении крестьянства не находит подтверждения.

Данные Табл. 6–7 дают возможность оценить значение некоторых экономических факторов для благосостояния помещичьих крестьян. В целом по четырем губерниям в первой половине XIX в. доход только *от земледелия* увеличился в 1,59 раза (всюду главным образом за счет повышения цен, а не прироста производства: 83 % против 17 %), а доход *от промыслов* – в 2,26 раза, *общий* доход – в 1,84 раза. Несмотря на то, что доходы от промыслов росли быстрее, чем от земледелия, вклад земледелия в доход всюду был большим, чем от промыслов: в целом по четырем губерниям – 71 % против 29 %. Причина этого состояла в том, что в абсолютном выражении земледелие приносило больше дохода даже в Московской губернии, где вклад промыслов в доход был наибольшим среди четырех губерний – 49 %.

Оброки в среднем по четырем губерниям увеличились номинально (в руб. сер.) в 2,3 раза, а реально, при переводе на зерно, в 1,56 раза; рост хлебных цен компенсировал около 40 % их прироста. Подушный налог в целом для четырех губерний номинально увеличился в 1,4 раза, но в натуральном исчислении бремя государственных налогов уменьшилось на 5 %, так как хлебные цены выросли в большей степени, чем налоги. В результате общее бремя платежей номинально повысилось в 2,2 раза, но реально благодаря росту хлебных цен – в 1,49 раза. Как видим, если платежи и доходы перевести в зерно, то ситуация для крестьян получается еще благоприятнее (см. Табл. 7). Рост хлебных цен, повышение доходности крестьянского хозяйства за счет промыслов и земледелия и понижение реальной тяжести прямых государственных налогов – вот четыре главных фактора, которые обеспечили повышение уровня жизни крестьян в первой половине XIX в. Значение этих благоприятных факторов перевесило негативное влияние увеличения ренты, вследствие чего общие доходы крестьян на душу населения существенно увеличились, а их отношение к платежам изменилось мало.

Обратимся к барщинным крестьянам (доля чисто барщинных крестьян составляла в 1850-е гг. около 45 %, в более раннее время – несколько меньше) (Ковальченко 1967: 62–63, 66–67). Если полагаться на данные Ковальченко о девяти крупных имениях черноземной полосы, то оказывается,

что в пяти из них ситуация складывалась неблагоприятно для крестьян (причем в одном имении, Петровском, – только в 1856–1860 гг.): барская запашка обгоняла или отставала от роста надельной земли; а в четырех – удачно: наделы увеличивались в большей или равной степени, чем барская запашка (Ковальченко 1967: 102–103). Но самих по себе данных о величине барской и крестьянской запашки недостаточно для суждения об изменении тяжести барщины: уменьшение надела не всегда означало понижение сбора хлебов, а увеличение барской запашки необязательно вело к увеличению барщины, тем более что колебания душевых наделов и барской запашки в отдельных имениях были столь велики (соответственно от 1,8 до 3,6 дес. и от 1,1 до 2,7 дес.), что создавали возможности для любых комбинаций. Необходимо по каждому имению знать качество земли, величину пара и залежи, урожайность, число барщинных дней, интенсивность работы на помещичьей и крестьянской земле. Но эти данные отсутствуют. Кроме того, как показал С. Л. Хок в своем микроанализе Петровского имения Тамбовской губернии, в крупных имениях помещик и его приказчики не знали точного размера земли, находившейся в крестьянском пользовании, по причине чересполосицы, вследствие чего у крестьян фактически было на 5–10 % больше земли, чем за ними числилось. По его расчету, в Петровском имении в первой половине XIX в. не наблюдалось уменьшения крестьянских наделов, как полагал И. Д. Ковальченко (Хок 1991: 30–31).

Девять имений – слишком маленькая выборка, чтобы на ее основании можно было бы делать общие выводы о всей России: согласно закону больших чисел, только в массовых сведениях о помещичьей и крестьянской запашке можно обнаружить закономерности. Такими данными мы располагаем за 1842–1860 гг. (см. Табл. 8).

Табл. 8. Посевы у помещиков и их крестьян в 1842–1860 гг. (в тыс. четвертей в год)

Район	1842–1850 гг.			1851–1860 гг.			Помещичьи, %	
	Помещичьи	Крестьянские	Итого	Помещичьи	Крестьянские	Итого	1842–1850 гг.	1851–1860 гг.
Северо-Западный	401	1 358	1 759	310	1 280	1 590	22,8	19,5
Центрально-Нечерноземный	4 893	6 014	10 907	4 884	6 054	10 938	44,9	44,7
Центрально-Черноземный	4 304	4 683	8 987	4 228	4 781	9 009	47,9	46,9
Средне-Волжский	1 005	1 394	2 399	1 020	1 343	2 363	41,9	43,2
Нижне-Волжский	618	1 056	1 674	652	1 055	1 707	36,9	38,2
Прибалтийский	495	662	1 157	467	692	1 159	42,8	40,3

Район	1842–1850 гг.			1851–1860 гг.			Помещичьи, %	
	Помещичьи	Крестьянские	Итого	Помещичьи	Крестьянские	Итого	1842–1850 гг.	1851–1860 гг.
Западный	2 214	3 348	5 562	2 012	2 963	4 975	39,8	40,4
Юго-Западный	1 808	2 133	3 941	1 735	1 834	3 569	45,9	48,6
Украинский Левобережный	1 164	1 145	2 309	1 321	1 322	2 643	50,4	50,0
Южный Степной	572	570	1 142	613	615	1 228	50,1	49,9
Приуральский	129	591	720	103	750	853	17,9	12,1
Северный	31	185	216	44	218	262	14,4	16,8
Европейская Россия	15 261	24 639	39 900	15 025	24 651	39 676	38,2	37,9

Источник: Ковальченко 1967: 83. Смоленская губерния присоединена к Центрально-Нечерноземному району.

В целом по 48 губерниям Европейской России доля барской запашки уменьшилась на 0,3 %, что позволяет предположить: тяжесть барщины за 20 лет практически не изменилась. Из двенадцати районов в пяти произошло увеличение барской запашки, в семи – уменьшение. Но изменения столь незначительны (максимальное увеличение – 2,7 % в Юго-Западном районе, максимальное уменьшение – 5,8 % в Приуральском), что, учитывая приблизительность исходных данных, нет надежных оснований для заключения о наличии какой-либо тенденции в динамике барщины. Благоприятно сделать вывод, что уровень барщины за 20 лет не изменился, и в таком случае доходы крестьян от надельной земли должны были возрасти благодаря росту хлебных цен и уменьшению реальной тяжести подушного налога на 6 %, о чем шла речь выше. Значит, и уровень жизни барщинных крестьян должен был повыситься. Впрочем, трудно было ожидать другого вывода. Вряд ли возможна была такая ситуация, чтобы благосостояние одной большой категории крестьян – оброчных – повышалось, а другой – барщинных – понижалось.

Доходы и повинности государственных и удельных крестьян

Теперь вернемся к государственным и удельным крестьянам, чтобы оценить соотношение их доходов и платежей. Если в Табл. 8 заменить помещичью ренту на государственную, то расчет будет приблизительно отражать положение государственных и удельных крестьян на конец XVIII – середину XIX в., потому что доходы от земледелия и доходы от промыслов в Табл. 8 относятся ко всем крестьянам (см. Табл. 9).

72 Наблюдался ли в России мальтузианский кризис?

Табл. 9. Соотношение доходов и платежей у казенных и удельных крестьян в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу)

	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %	1780-е гг.	1850-е гг.	Рост, %
Доход от земледелия на м. д., руб.	13,56	22,29	64	19,01	30,23	59	18,03	29,97	66	19,58	28,77	47
Доход от промыслов на м. д., руб.	8,00	21,80	173	2,80	9,90	254	1,10	3,80	245	2,70	9,00	233
Доход от земледелия и промыслов на м. д., руб.	21,56	44,09	104	21,81	40,13	84	19,13	33,77	77	22,28	37,77	70
Оброк на м. д., сер. руб.	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5
Подушный налог на м. д., руб.	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40
Оброк и налог на м. д., руб.	3,4	3,81	12	3,4	3,81	12	3,4	3,81	12	3,4	3,81	12
Оброк и налог в переводе на рожь, чत्व.	1,16	0,9	-22	1	0,95	-5	1,63	1,24	-24	1,38	1,24	-10
Оброк в процентах к общему доходу	12,62	6,49	-6	12,47	7,13	-5	14,22	8,47	-6	12,21	7,57	-5
Оброк и налог в процентах к общему доходу	15,77	8,64	-7	15,59	9,49	-6	17,77	11,28	-6	15,26	10,09	-5
Чистый доход на м. д., руб.	18,16	40,28	122	18,41	36,32	97	15,73	29,96	90	18,88	33,96	80

Из данных Табл. 9 следует, что положение казенных и удельных крестьян было намного предпочтительнее. В целом для четырех губерний их доходы и налоги выросли в такой же степени, как и помещичьих, но оброки – всего на 5 % (у помещичьих – на 130 %), вследствие чего бремя платежей номинально увеличилось всего на 12%, а реально, в переводе на зерно, уменьшилось на 15 %. Доля платежей в общем доходе понизилась на 6 % – с 16 % до 10 %. Чистый доход повысился в 2 раза. Следовательно, в первой половине XIX в. положение государственных и удельных крестьян улучшилось

не только абсолютно, но и относительно. Как и у помещичьих крестьян, главным фактором улучшения их жизни стало повышение хлебных цен, рост доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия и понижение реальной тяжести налогов и повинностей. Разительно различие в норме обложения – у казенных и удельных крестьян она составляла в конце XVIII в. всего 16 %, а у помещичьих – 28 %, т. е. в 1,75 раза выше, в середине XIX в. – соответственно 10 % и 34 %, т. е. в 3,4 раза выше. Понятно, почему помещичьи крестьяне всегда стремились перейти в казенное управление.

Можно полагать, что полученная картина в своих тенденциях близка к действительной. На 1849–1858 гг. мы располагаем довольно точными расчетами доходности и платежей государственных крестьян в пяти центрально-нечерноземных губерниях, выполненных специальными комиссиями уравнивания денежных сборов с государственных крестьян (см. Табл. 10).

Табл. 10. Доходы и платежи государственных крестьян Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской и Ярославской губерний в 1849–1858 гг.

Губернии	Доходы на м. д., руб.*					Платежи на м. д., руб.**					Платежи на м. д., в %		
	С/х	Промыслы	Лес	Мирские	Скот	Итого	Налог	Оброк	Земские	Натуральные	Итого	К доходу от с/х и промыслов	Ко всему доходу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Владим.	32,82	14,91	1,08	0,05	4,34	53,20	0,95	3,77	0,56	0,44	5,72	12,0	10,8
Костром.	34,47	12,79	0,24	0,07	4,34	51,91	0,95	3,68	0,47	0,49	5,59	11,8	10,8
Москов.	22,31	23,68	0,24	0,05	4,34	50,62	0,95	3,59	0,72	1,86	7,12	15,5	14,1
Нижегор.	32,40	11,09	1,52	0,05	4,34	49,40	0,95	3,60	0,46	1,11	6,12	14,1	12,4
Яросл.	30,42	19,16	0,24	0,05	4,34	54,21	0,95	3,58	0,48	0,56	5,57	11,2	10,3
В ср.	30,48	16,33	0,66	0,05	4,34	51,86	0,95	3,64	0,54	0,89	6,02	12,9	11,6

* Доход, выделенный курсивом, является экстраполяцией.

** На 1849 г.

Подсчитано: «Доходы в 1849–1858 гг.» по: Материалы для статистики 1858: 2, 30, 55 (Московская губерния); Материалы для статистики 1859: 12, 23, 177, 182, 185, 191, 203 (Ярославская губерния); Материалы для статистики 1861: Отдел В. С. 43, 63, 107 (Костромская губерния); Материалы для статистики 1871: Отдел В. С. 7, 45, 47, 70 (Владимирская губерния); Хоз.-стат. материалы 1857: 2, 18, 29, 30, 37, 40 (Нижегородская губерния). «Налоги в 1849 г.» по: РГИА 1850: 22, 27.

Эксперты, входившие в комиссии, провели тщательные полевые исследования и получили результаты, которые в принципе похожи на те, которые мы получили для Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний. Главные доходы от земледелия и промыслов учтены во всех шести губерниях, а доходы от леса – в трех, от общинной собственности – в двух и от скота – в одной губернии. Ради сопоставимости в суммарный доход (Табл. 10, стлб. 7) по тем губерниям, по которым отсутствуют сведения, включены доходы по минимуму в других губерниях. Например, по Московской доход от леса учтен в минимальном размере по Костромской губернии (0,24 руб.), мирские (0,05 руб.) и доход от скотоводства (4,34 руб.) – по Нижегородской. Особенно интересно сравнить данные по Московской губернии, которая входит в оба анализа. Итоги почти совпали: доходы от земледелия составили соответственно 22,9 руб. и 22,3 руб. на м. д., от промыслов – 22,3 и 23,6 руб., общие доходы – 44,1 и 45,9 руб., расхождение в 4 % следует признать статистически несущественным.

Нижегородская комиссия сопоставила учтенные доходы и расходы государственных крестьян по всем десяти уездам в 1853–1856 гг. Оказалось, что после уплаты всех налогов и удовлетворения всех потребностей крестьян в пище, одежде, жилище и т. д. по отнюдь не голодным нормам того времени в восьми уездах имелся избыток средств: от 5 коп. на мужскую душу в Макарьевском до 6,2 руб. в Лукояновском; в двух уездах зафиксирован дефицит: 1,1 руб., или 4 % годового дохода, в Горбатовском и 2 руб., или 7 % годового дохода, в Ардатовском уезде. В среднем по губернии доходы превосходили расходы на 2 руб. серебром (Хоз.-стат. материалы 1857: 48–49). Заметим, что расходы учтены по максимуму, а доходы занижены, поскольку они оценивались по официальным данным и не принимались во внимание собирательство, охота, рыболовство, женское рукоделие. Кроме того, крестьянское хозяйство было весьма эластичным и всегда могло ужать свои расходы или увеличить свои доходы на 4–7 %.

ДОХОДЫ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН В 1861–1913 гг.

Переплатили ли бывшие помещичьи крестьяне за землю?

В пореформенное время было распространено мнение, что отмена крепостного права произошла на невыгодных для крестьян условиях. Серьезный вклад в развитие идеи о грабительском характере крестьянской реформы внесли народники, а также либералы, социал-демократы и даже правые (по

разным, правда, мотивам). Социальные ученые в подавляющем большинстве случаев искренне поддерживали своими трудами революционных демократов и народников. В советской историографии эта точка зрения стала аксиоматической, поскольку она удовлетворяла идеологическую потребность доказать закономерность и неизбежность Октябрьской революции. На самом деле уровень жизни крестьян повышался, и этому способствовали три принципиальных фактора: получение в результате крестьянской реформы достаточных наделов, умеренный выкуп за полученную землю и уменьшение налогового бремени в пореформенное время.

Государственные и удельные крестьяне получили достаточные наделы. Что касается помещичьих крестьян, то, по расчетам А. А. Кауфмана и Л. В. Ходского, около 28 % от их общего числа получили недостаточное количество земли (Кауфман 1908: 53; Ходский 1891: 23). В большинстве случаев в ходе крестьянской реформы исчезли очень большие и очень маленькие наделы и произошло массовое их выравнивание вокруг максимального надела, исчисленного для данной местности и указанного в Положении 19 февраля (Кащенко 1995; Носч 2004: 269–274). В результате были созданы условия для развития самообеспечивающегося крестьянского семейного хозяйства, хорошо описанного в трудах А. В. Чаянова и его школы. Условия проведения реформы способствовали тому, что большинство крестьян взяли надел, который обеспечивал их стабильное существование, и остались в деревне. Поэтому в пореформенной деревне преобладало крестьянское семейное хозяйство, которое постепенно, особенно благодаря Столыпинской реформе, эволюционировало в семейную ферму.

Выкупали землю крестьяне отнюдь не по грабительским ценам, как часто пишут историки. Удельные крестьяне (3,93 % всего крестьянства) (Кабузан 1971: 175–176) получили почти всю землю (отрезки 1,7 %), находившуюся в их пользовании, в собственность в обязательном порядке; в выкуп были обращены платившиеся ранее поземельные платежи. За государственными крестьянами (48,86 %) были закреплены все земли, находившиеся в их пользовании, в бессрочное владение (тоже в обязательном порядке); в выкуп были обращены платившиеся ранее поземельные платежи, изменяемые через 20 лет. Условия освобождения помещичьих крестьян (47,21 %) были для них менее благоприятны, хотя и не настолько, как часто изображается в историографии (Дружинин 1978: 79–80, 99, 124–133; История СССР 1966–1967 [У5], т. 5: 81, 296–297). Принято считать, основываясь на известной работе А. Е. Лосицкого, что по выкупным платежам крестьяне заплатили в среднем за десятину 26,87 руб. при ее рыночной цене в среднем по России за 1854–1858 гг. в 16,86 руб. и за 1863–1872 гг. – в 20,08 руб. (здесь и далее цены земли в сельской местности) (Лосицкий 1906: 16), следовательно, на 59 % или на 34 % больше (в зависимости от того, какие цены брать для сравнения), чем она в действительности стоила (см. Табл. 11).

Табл. 11. Рыночные и выкупные цены наделной земли по разным оценкам

Губернии	Площадь наделной земли, тыс. дес.	Рыночная цена наделной земли, млн руб., по ценам		Выкупная цена наделной земли, млн руб., на 1.01. 1863	Цена десятины, руб., по ценам			Выкупная цена десятины		
		1854–1858 гг.	1863–1872 гг.		1854 – 1858 гг.	1863–1872 гг. Лосицкий	1863–1872 гг. Хок	Руб.	1863–1872 гг. =100 Лосицкий	1863–1872 гг. =100 Хок
Нечерноземные	12286	155	180	342	12,62	14,65	38,51	27,84	190	72
Черноземные	9841	219	284	342	22,25	28,86	48,96	34,75	120	71
Западные	10141	170	184	183	16,76	18,14	36,74	18,05	99	49
Итого	32268	544	648	867	16,86	20,08	31,77	26,87	134	85

Источник: (Лосицкий 1906: 16, Приложение, Табл. 1).

С. Хок подверг сомнению эти расчеты. По его мнению, средняя рыночная цена десятины земли, исчисленная Лосицким, была занижена, так как относилась, во-первых, ко всем земельным сделкам, среди которых преобладали продажи участков земли площадью более 500 десятин, стоившие в 3,8 раза дешевле, чем участки менее 25 десятин – более ухоженные, плодородные и расположенные в удобных местах. Во-вторых, цены на землю были заимствованы из нотариальных актов, где ради избежания 4 % налога со сделки цены существенно занижались. Хок считает, что в расчет следует взять те цены, по которым крестьяне купили землю на вольном рынке в 1863–1872 гг. Эта земля, купленная ими, как правило, в индивидуальном порядке и в частную собственность, состояла на 60–73 % из участков менее 25 десятин и на 27–40 % из участков в 25–500 десятин; участки более 500 десятин не приобретались. Если среднюю рыночную цену десятины определить по этой структуре покупок, то она будет стоить не 20,87 руб., как высчитал Лосицкий, а 31,77 руб. В таком случае выкупленная крестьянами к 1906 г. земля стоила 1070 млн руб., а они заплатили за нее 867 млн руб., т. е. на 19 % меньше ее рыночной стоимости (Носч 2004: 261).

Расчеты Лосицкого преуменьшают выгоды помещиков, но с расчетами Хока трудно согласиться. Он не принял во внимание, что наделные земли выкупались крестьянами не единолично, а целыми общинами или селениями, поэтому не мелкими, а средними участками. Средняя величина выкупаемой земли на одну общину составляла 231 десятину (198 десятин в не-

черноземных и 296 десятин в черноземных губерниях) (Ершов 1885), и тогда средняя рыночная цена десятины (21,45 руб.) будет не только ниже принятой Хоком (31,77 руб.), но и меньше выкупной (26,87 руб.) на 25%. Более существенно, однако, что до 1907 г. закон запрещал продажу и покупку надельной земли на вольном рынке, поэтому она *не имела рыночной цены*. А если бы надельная земля была допущена на рынок, то она стоила бы меньше, чем частновладельческая, находившаяся в обороте в 1863–1872 гг., так как крестьянский надел по причине чересполосицы был раздроблен на несколько мелких участков; земледелец был связан круговой ответственностью в платежах и обязательным севооборотом с однообщинниками. Вот почему когда рыночный оборот надельной земли был разрешен в 1907–1910 гг., то десятина крестьянской земли стоила дешево – 64 руб., в то время как земля, продаваемая мещанами, – 113 руб., купцами – 118 руб. и дворянами – 121 руб. (Святловский 1911: 137). Таким образом, как ни считай, если брать цены 1854–1858 гг. или 1863–1872 гг., то крестьяне за надельную землю переплатили.

Второй существенный момент в расчетах выгоды выкупной сделки – на какую дату брать рыночные цены земли, так как выкупная оценка надельной земли была установлена к 1863 г. и до отмены выкупа в 1906 г. не изменялась⁶. Поскольку цены земли в пореформенное время повышались, то наименее выгодный вариант для крестьян получится, если эти цены учитывать на 1861 г., а наиболее благоприятный – на 1906 г., на момент отмены выкупных платежей. В 1883 г., как раз посередине периода 1861–1906 гг., на который растянулся выкуп, платежи были уменьшены на 27 %. В связи с этим в 39 губерниях Европейской России была определена стоимость 23 млн десятин надельной земли для тех 8,1 млн бывших помещичьих крестьян, на которые распространялось понижение: (а) по выкупной оценке (капитализирование выкупного платежа из 6 % годовых); (б) по оценке банков (земельно-кредитных учреждений), которые приняли в расчет рыночные цены 1879 г.⁷ В 20 губерниях (в большинстве нечерноземных и в малонаселенных) выкупная оценка была выше банковской, а в 19 черноземных губерниях – ниже. В целом по 39 губерниям выкупная цена равнялась 29,84 руб. за десятину, а банковская – 34,81 руб., на 4,97 руб., или на 16,6 %, выше⁸ (см. Табл. 12). По этому расчету крестьяне выиграли от

⁶ Первоначально предполагалось, что у временнообязанных крестьян, не перешедших на выкуп и плативших бывшим владельцам оброк, через 20 лет должна производиться переоброковка, т. е. повышение оброка. Но в 1881 г. статус временнообязанных был отменен, так как все крестьяне были переведены на выкуп, а величина выкупных платежей уменьшена на 27 %.

⁷ Оценка произведена губернскими земствами для земских губерний и губернскими по крестьянским делам присутствиями для неземских в 1881–1883 г.

⁸ В обоих случаях подсчитана средняя взвешенная цена по: Понижение выкупного платежа по указу 28-го декабря 1881 года: Статистические таблицы (Ершов 1885: 114–128). Рыночная цена земли относилась не к собственно надельной земле, а ко всем продаваемым землям, в том числе и к не введенным в сельскохозяйственный оборот, т. е. к неосвоенным землям более низкого качества и с худшей инфраструктурой, во всяком случае, к менее ухоженным

выкупной операции, так как к 1906 г. заплатили меньше, чем стоила наделная земля на рынке по ценам 1879 г.: на 16,6 % меньше до понижения и на 48 % после понижения годового оклада выкупных платежей с 1883 г. на 27 %.

Табл. 12. Выкупная и банковская цена земли, годовой оклад выкупных платежей у бывших помещичьих крестьян и оброчная подать с десятины наделной земли у бывших государственных крестьян в 1881–1883 гг.

Губерния	Наличное население м. п.	Наделная земля, дес.	Цены на землю, руб. за десятину			Годовой оклад выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, коп. за десятину		Оброчная подать бывших государственных крестьян, коп. за десятину		
			Выкупная	Банковская	Разница	До понижения	После понижения	Минимум	Максимум	Средняя
Астраханская	6984	51232	10,00	4,13	5,87	60	42	-	-	-
Витебская	16156	55869	19,59	15,46	4,13	117	94	-	-	-
Владимирская	336545	1109131	30,50	33,21	-2,71	183	145	45	136	91
Вологодская	112645	484566	22,00	18,81	3,19	132	102	27	85	56
Воронежская	220063	464154	37,67	67,30	29,63	226	177	54	117	86
Вятская	19996	51558	28,50	20,06	8,44	171	113	50	84	67
Донская	155538	319273	30,33	34,06	-3,73	182	134	-	-	-
Екатеринослав.	133036	293729	31,00	36,76	-5,76	186	153	47	57	52
Казанская	78554	217318	30,67	38,50	-7,83	184	139	59	97	78
Калужская	324904	944800	32,50	26,91	5,59	195	134	56	147	102
Костромская	300828	1255739	23,83	14,01	9,82	143	100	46	126	86
Курская	335539	612785	42,50	84,66	42,16	255	200	59	140	100
Могилевская	107295	370521	20,83	13,01	7,82	125	97	-	-	-
Московская	293624	802264	41,17	39,47	1,70	247	156	71	173	122
Нижегородская	354103	1043182	31,33	25,84	5,49	188	139	52	140	96
Новгородская	214992	983769	20,50	6,70	13,80	123	71	30	84	57

и плодородным, расположенным в менее удобных местах (сравнительно с наделными землями). Вследствие этого действительная разница выкупной и рыночной цен была больше, чем получается по нашим вычислениям, причем в пользу банковской.

Губерния	Наличное население м. п.	Надельная земля, дес.	Цены на землю, руб. за десятину			Годовой оклад выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, коп. за десятину		Оброчная подать бывших государственных крестьян, коп. за десятину		
			Выкупная	Банковская	Разница	До понижения	После понижения	Минимум	Максимум	Средняя
Олонекская	5479	33712	12,83	6,00	6,83	77	6	-	-	13
Оренбургская	11384	49359	16,83	4,85	11,98	101	83	21	28	25
Орловская	400028	925977	36,17	67,18	31,01	217	171	61	134	98
Пензенская	253148	580285	35,00	46,73	11,73	210	166	73	137	105
Пермская	188359	1071134	11,83	4,61	7,22	71	50	34	72	53
Полтавская	368807	478562	36,57	47,43	10,86	214	176	55	129	92
Псковская	215793	813141	21,83	16,66	5,17	131	81	26	100	63
Рязанская	437687	948271	38,50	75,02	36,52	231	171	59	154	107
Самарская	65451	230800	23,67	16,45	7,22	142	116	25	61	43
С.-Петербургск.	153550	603354	26,17	16,68	9,49	157	87	44	172	108
Саратовская	231050	693066	27,83	37,33	-9,50	167	137	45	87	66
Симбирская	188367	480846	33,83	37,80	-3,97	203	166	63	180	122
Смоленская	377003	1300088	26,83	27,33	-0,50	161	94	47	89	68
Ставропольская	2302	19651	16,33	10,70	5,63	113	85	-	-	-
Гаврическая	16112	63090	18,83	22,64	-3,81	89	80	30	60	45
Тамбовская	389286	795306	37,00	72,36	35,36	222	173	56	125	91
Тверская	869121	1311522	27,50	18,59	8,91	165	107	52	143	98
Тульская	421431	928418	40,50	75,59	35,09	243	198	60	153	107
Уфимская	53209	161966	24,50	11,29	13,21	147	114	31	73	52
Харьковская	236616	436685	36,83	45,83	-9,00	221	176	78	121	100
Херсонская	161020	391419	29,17	32,56	-3,39	175	146	39	63	51
Черниговская	310514	721931	26,50	27,52	-1,02	159	104	51	126	89
Ярославская	242466	869115	32,50	24,74	7,76	195	158	50	172	111
Итого	8608985	22967588	29,84*	34,81*	4,97*	179*	131*	48	114	81

* Средняя по России взвешена на величине наделной земли в губерниях.
 Подсчитано по: Ершов 1885: 1–128.

Аналогичный расчет на 1907 г. показывает, что крестьяне заплатили за наделенную землю в 2,4 раза меньше, чем она стоила в 1907–1910 гг., принимая выкупную стоимость десятины наделенной земли за 26,87 руб., а рыночную цену земли, проданную крестьянами, – за 64 руб. Если же взять среднюю рыночную цену десятины без различия социальной принадлежности продавца – 93,4 руб. в 1903–1905 г. (Святловский 1911: 82–83), то выигрыш крестьян составит 248 %, так как наделенная земля по ценам 1903–1905 гг. стоила в 3,48 раза дороже, чем крестьяне за нее заплатили. Правда, вместе с ростом земельных цен повышались цены на все товары, и реальный выигрыш или проигрыш крестьян от выкупной операции зависел от того, насколько выросли цены на землю, на сельскохозяйственные и промышленные товары. Если земельные и хлебные цены обгоняли цены промышленных товаров, то крестьяне выигрывали, если отставали, то проигрывали. Кроме того, оптимальная оценка успешности выкупной операции будет сделана в том случае, если учитывать те цены, по которым крестьяне реально выкупали землю. К сожалению, такой информацией о земельных ценах мы не располагаем. Но известно, что с 1854–1858 гг. по 1903–1905 гг. в среднем по Европейской России земельные цены выросли в 7,33 раза (Святловский 1911: 82–83), общий индекс цен – в 1,26 раза, цены на сельскохозяйственные продукты – в 1,38 раза, а на промышленные товары понизились на 28 %⁹. Поскольку земельные цены существенно обгоняли цены на все другие товары, хлебные цены обгоняли промышленные, действительный выигрыш от выкупной операции к 1906 г. был больше, чем показывают приведенные расчеты.

Таким образом, оценка выгоды выкупной операции зависит от того, какие земельные цены учитывать и за какие годы. Выкупная оценка наделенной земли в 1860-е – 1870-е гг. в большинстве случаев была выше ее потенциальной стоимости на рынке, но с 1880-х гг., особенно после понижения на 27 % выкупной суммы, стала ниже. Выгоды для крестьян от выкупной операции со временем увеличивались вместе со стремительным повышением земельных цен, которые в 5,8 раза обгоняли общий индекс цен. В конечном итоге бывшие помещичьи (и тем более все другие категории крестьян) выиграли от выкупной операции, несмотря на завышенную оценку стоимости наделенной земли и платеж 6 % годовых за полученный от государства ипотечный кредит вместо обычных 4 % на земельные ссуды (Дружинин 1978: 73).

Уменьшение налогового бремени в пореформенное время

⁹ Индекс цен в Петербурге см.: Струмилин 1954: 514–515. Петербургские цены хорошо отражали динамику российских цен, см.: Первушин 1925: 157, 322–325.

Важнейшим фактором повышения жизненного уровня трудящихся была налоговая политика правительства. Рабочие налогов не платили, а обремененность налогами крестьянства уменьшилась благодаря тому, что в пореформенное время в налоговой политике произошли три важных изменения. Во-первых, к платежу прямых налогов были привлечены группы населения, прежде от них освобожденные: дворяне и чиновники, казаки и национальные меньшинства, в то время как в дореформенное время прямые налоги платили только крестьяне и мещане (подушную подать), а купцы – гильдейские пошлины. Из привилегированных сословий лишь помещики были привлечены к уплате незначительных губернских земских сборов в 1853 г. (Миронов 2003б, 1: 94–95; Шацилло 2003: 345–383; Захаров, Петров, Шацилло 2006: 222–231).

Во-вторых, с 1860-х гг. российская налоговая система стала переходить с подушного принципа на подоходный, в результате чего *тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения*. По расчету, сделанному в Министерстве финансов в 1859 г., «высшие классы», или неподатные сословия, обеспечивали поступление в казну 17 % доходов (главным образом за счет косвенных налогов), а «низшие классы», или податные сословия, – 76 %; 7 % государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество. В 1887 г., по расчету известного финансиста Н. П. Яснопольского, эти источники доходов соотносились как 38 : 55 : 7 (для сравнения: в Великобритании это соотношение составляло 52 : 40 : 8, во Франции – 49 : 30 : 21, в Пруссии – 30 : 29 : 41). Из общей суммы собственно налогов (без регалий) на высшие классы в 1859 г. приходилось 18 %, на низшие – 82 %, а в 1887 г. соответственно – 41 % и 59 %. Другими словами, тяжесть налогов для высших классов увеличилась почти в 2,3 раза (Яснопольский 1890: 27–31). Эта тенденция в дальнейшем усиливалась.

В-третьих, в налоговой системе значение косвенного обложения повышалось. Но благодаря этому податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина (Шацилло 2003: 376). Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе. Например, питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет 143,9 млн руб. (Анфимов 1984: 110–111) из 476,3 млн руб. общего питейного дохода этого года (Ежегодник МФ 1912: 296, 323), т. е. 30,2 %; в 1912 г. – соответственно 256,3 млн руб. (Петров 2002: 390, 406; Захаров, Петров, Шацилло 2006: 249–262) из 953 млн руб. (Стат. ежегодник 1915, XII-й отдел: 15), т. е. 26,9 %. В целом в 1901–1912 гг. на долю крестьянства приходилось лишь 32 % всех налогов и платежей (Анфимов 1964: 502), а его доля в населении превышала 83 % (Миронов 2003б, 1: 130). Норма обложения у крестьян к началу XX в. резко понизилась и стала в 3,6 раза меньше, чем у горожан.

Отсюда, конечно, не следует, что деревня была обложена налогами слабее, чем город. Для ответа на вопрос, чье налоговое бремя – горожан или селян – было тяжелее, необходимо знать платежеспособность тех и других, а также и остаток средств после уплаты налогов. Скорее всего, для состоятельных горожан, которые только и платили налоги, ибо с заработной платы налоги не взимались, налоги были менее обременительными, так как их доходы в абсолютном значении были намного выше, чем у крестьян. Этот вопрос требует специального изучения. Однако смещение податного бремени с бедных на зажиточные слои населения и повышение значения косвенного обложения должно было иметь два следствия: на покрытие прямых налогов в пореформенный период крестьяне стали расходовать меньше, а на поддержание биостатуса – больше. Проверим эти гипотезы путем сравнения тяжести прямых налогов в канун отмены крепостного права и в конце XIX – начале XX в. Соответствующие данные для 1850-х гг. были приведены выше, а для пореформенного времени воспользуемся обобщением опубликованных бюджетных обследований последней четверти XIX в. Сводка включает сведения о 70 хозяйствах крестьян-кустарей и о 1 717 хозяйствах крестьян-земледельцев, в которых проживало 14244 человека обоого пола; она охватывает 13 губерний Европейской России. Натуральная часть бюджета, на которую приходилось в доходной части 45 %, а в расходной – 46 %, выражена в деньгах по соответствующим ценам (см. Табл. 13, 14).

Табл. 13. Доходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877–1900 гг. в 13 губерниях Европейской России

Губерния	Год	Число хозяйств	Число душ	Тип хозяйства	Доходы, руб.				
					Земледелие	Скотоводство	Промыслы	Прочие	Всего
Новгородская	1879–1880	5	29	кустари	66,0	24,0	165,0		255
Вятская	1880–1883	17	157	кустари	317,0	60,0	301,0	5,0	683
Пермская	1880	18	110	кустари	58,0	24,0	248,0		330
Нижегородская	1877–1880	14	101	кустари	99,0		197,0	7,0	303
Саратовская	1883	1	5	земледельцы	318,0	40,0			358
Воронежская	1885–1890	263	2 147	земледельцы	263,0	115,0	114,0	107,0	599
	1880	1	6	кустари	43,0		270,0		313
Тульская	1881	6	52	земледельцы	251,0	17,0	202,0		471
	1879–1882	5	44	кустари	149,0	22,0	550,0		721
Владимирская	1880	2	11	кустари	99,0		118,0		217
Ярославская	1879	2	13	кустари	148,0	3,0	245,0		396

Тверская	1894	1	5	земледельцы	117,0	17,0	29,0		163
	1879–1894	4	33	кустари	150,0	16,0	133,0		299 [U6]
Калужская	1896	1 313	10 670	земледельцы	240,0	76,0	77,0	5,1	398
	1879	2	13	кустари	102,0	7,0	191,0		300
Херсонская	1880–1900	126	823	земледельцы	366,0	15,0	48,0		429
	1880	1	7	кустари					
Кубанская	1901	7	54	земледельцы	372,0	130,0	65,0	21,0	588
В среднем на хозяйство	1 717	13 756		земледельцы	253,3	77,5	80,9	20,4	432,1
	70	488		кустари	146,2	25,2	254,6	2,6	428,6
	1 787	14 244		все	249,1	75,4	87,7	19,7	431,9
В среднем на душу населения				земледельцы	31,6	9,7	10,1	2,5	53,9
				кустари	21,0	3,6	36,5	0,4	61,5
				все	31,3	9,5	11,0	2,5	54,3

Подсчитано по: Материалы Комиссии 1903, 1: 35–39; 3: 14, 39–41, 132–134.

Табл. 14. Расходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877 – 1900 гг. в 13 губерниях Европейской России

Губерния	Тип хозяй-ства	Расходы, руб.							Ба-ланс
		Пища	Одеж-да	Жи-лице	Хозяй-ство	Повинно-сти	Про-чие	Всего	
Новгородская	кустари	113,0	80,0	12,0	42,0	14,0	10,0	271	-16
Вятская	кустари	344,0	77,0	18,0	145,0	21,0	13,0	618	65
Пермская	кустари	236,0	39,0	24,0	9,0	12,0		320	10
Нижегородская	кустари	184,0	38,0	12,0	16,0	46,0	0,4	296	7
Саратовская	земледельцы	182,0	8,0	13,0	125,0	30,0		358	0
Воронежская	земледельцы	169,0	49,0	32,0	205,0	26,0	34,0	515	84
	кустари	172,0	80,0	3,0	11,0	19,0	5,0	290	23
Тульская	земледельцы	254,0	94,0	10,0	53,0	41,0	19,0	471	-1
	кустари	320,0	99,0	26,0	74,0	23,0	96,0	638	83
Владимирская	кустари	163,0	34,0	1,0		33,0		231	-14

Губерния	Тип хозяйства	Расходы, руб.							Баланс
		Пища	Одежда	Жилище	Хозяйство	Повинности	Прочие	Всего	
Ярославская	кустари	244,0	60,0	22,0	30,0	41,0	3,0	400	-4
Тверская	земледельцы	47,0	19,0	1,0	63,0	30,0	3,0	163	0
	кустари	162,0	26,0	2,0	80,0	23,0	2,2	295	4
Калужская	земледельцы	175,0	28,0	23,0	160,0	25,0	5,2	416	-18
	кустари	192,0	73,0	16,0	3,0	17,0	0,0	301	1
Херсонская	земледельцы	172,0	111,0	12,0	153,0	16,0	16,0	480	-51
	кустари	233,0	110,0	30,0	37,0			410	
Кубанская	земледельцы	234,0	60,0	14,0	211,0	11,0	57,0	587	1
В среднем на хозяйство	земледельцы	174,3	37,7	23,5	166,1	24,5	10,7	436,6	-4,7
	кустари	244,1	58,1	17,4	55,2	24,2	11,1	410,1	18,5
	все	177,0	38,5	23,2	161,8	24,5	10,7	435,5	-3,8
В среднем на душу населения	земледельцы	21,8	4,7	2,9	20,7	3,1	1,3	54,5	-0,6
	кустари	35,0	8,3	2,5	7,9	3,5	1,6	58,8	2,7
	все	22,2	4,8	2,9	20,3	3,1	1,3	54,7	-0,3

Источники указаны в примечании к Табл. 13.

Бюджетные данные по 11 губерниям следует признать репрезентативными: в 1901 г. средний доход от сельского хозяйства по 50 губерниям Европейской России равнялся 30,30 руб. на душу населения (Анфимов 1964: 489–505; 1984: 110–111), а по 13 губерниям – 31,3 руб., от промыслов по 50 губерниям – 12 руб. (Материалы Комиссии 1903, 1: 219), а по 13 губерниям – 11 руб. Теперь сравним, как изменилось соотношение доходов и платежей в середине и конце XIX в. (см. Табл. 15).

Табл. 15. Тяжесть прямых налогов для крестьянства Европейской России в 1850-е и 1877–1901 гг.: доходы и повинности на душу населения в рублях золотом

1850-е гг.			1877–1901 гг.		
Крестьяне		Повинности	Крестьяне		Повинности

	Доход , руб.	Руб.	В % к дохо- ду		Доход , руб.	Руб.	В % к доход у
Казенные и удельные, 8 губерний	23,22	2,60	11,2	Земледельцы, 7 губерний	53,93	3,12	5,8
Помещичьи, 4 губерний	21,41	6,58	30,7	Кустари, 11 губерний	61,55	3,44	5,6
Итого*	22,62	3,93	17,4	Итого**	54,20	3,01	5,6

* Взвешено по числу губерний.

** Средняя арифметическая [E7] для всех хозяйств.

Источники указаны в примечаниях к табл. 6, 7, 10, 13.

В 1850-е гг. у казенных и удельных крестьян шести нечерноземных (Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Ярославской) и двух черноземных (Орловской и Рязанской) губерний налоги и повинности (без косвенных налогов) поглощали 11,2 % дохода, а у помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний – 30,7 %, в среднем – 17,4 % доходов¹⁰, в то время как в конце XIX в. у всех крестьян в целом – лишь 5,7 % доходов. Даже у бывших казенных и удельных крестьян с низкой нормой обложения бремя повинностей к концу XIX в. уменьшилось почти в 2 раза. Однако после крестьянской реформы у бывших государственных и удельных крестьян повинности в абсолютном значении увеличились (с 2,60 до 3,07 руб.), а уменьшение их тяжести (относительно доходов) произошло за счет увеличения доходов, в том числе вследствие повышения хлебных цен. У бывших помещичьих крестьян платежи уменьшились не только абсолютно (с 6,58 до 3,07 руб.), но и относительно, главным образом благодаря отмене владельческих повинностей и замене их более легкими государственными платежами. В результате Великих реформ все категории крестьян были унифицированы в правовом и фискальном отношениях, благодаря чему максимально выиграли именно помещичьи крестьяне как наиболее угнетенные до реформ.

Еще один важный вопрос: когда произошло понижение платежей? Они уменьшались дважды – сначала в 1860-е гг. в результате крестьянской реформы при переходе на выкуп, второй раз – в 1882 г. благодаря понижению выкупных платежей. С 1 июля 1882 г. выкупные платежи уменьшились на 27 %, соответственно их годовой оклад на двор – с 15,31 до 11,22 руб., или на 4,09 руб. (Понижение выкупного платежа 1885: 110–111). В крестьянских бюджетах, составленных после 1881 г., на хозяйство приходилось 24,5 руб. всех платежей в год, значит, до понижения выкупа – 28,59 руб. В таком случае после перехода на выкуп и до 1881 г. все прямые

¹⁰ В тех случаях, когда были неизвестны доходы из второстепенных источников (животноводство, лес, общинная собственность и др.), доходы от земледелия и промыслов увеличивались на 10 % – такова была доля дополнительных доходов по бюджетным данным 1877–1901 гг.

налоги и повинности поглощали примерно 6,6 % общего дохода крестьянского хозяйства (после понижения выкупных платежей – 5,7 %). Таким образом, хотя понижение выкупных платежей было в абсолютном значении довольно значительным, не оно было главной причиной понижения тяжести налогообложения, а переход на выкуп.

При всей ориентировочности сделанных расчетов очевидно, что в пореформенное время норма обложения крестьян прямыми налогами и повинностями (без косвенных налогов и пошлин) уменьшилась. Однако уменьшилось и общее бремя обязательных платежей у крестьянства. В 1850-е гг. в расчете на душу населения прямые налоги и повинности поглощали 20,5 % доходов крестьянства, косвенные налоги – 15,8 %, пошлины – 2,3 % (Шацкило 2003: 358), все платежи – 38,6 %. В 1900–1901 гг. прямые и косвенные налоги, а также все платежи (включая выкупные и арендные за внеадельную землю) равнялись 8,71 руб., доход от сельского хозяйства в год – 30,30 руб. (Анфимов 1964: 489–505; 1984: 110–111), от промыслов – 12 руб. (Материалы Комиссии 1903, 1: 219), общий доход – 42,30 руб. на душу населения в год¹¹. Всего на покрытие всех налогов и платежей в 1901 г. уходило 20,6 % доходов – на 18 % меньше, чем накануне эмансипации. В 1912 г. прямые и косвенные налоги и все платежи с крестьянства равнялись 6,26 руб. на душу населения и составляли 14,6 % к их доходу (Анфимов 1964: 489–505; 1984: 110–111; Петров 2003: 404–407)¹². Значит, к 1913 г. бремя налогов и платежей понизилось, вероятно, благодаря отмене выкупных платежей еще на 6 %.

Таким образом, налоговый пресс на крестьянство в пореформенное время уменьшился, а чистый остаток после оплаты налогов возрос. Комиссия по исследованию благосостояния сельского населения констатировала в 1903 г.: «Нельзя не остановить внимания на сравнительной незначительности расхода на повинности, тяжестью коих часто объясняется неблагоприятное положение крестьянского хозяйства. Обзорение бюджетов приводит, напротив, к заключению, что повинности в крестьянском бюджете играют роль далеко не преимущественную и что центр тяжести расходного бюджета лежит на издержках на пищу и хозяйство» (Материалы Комиссии 1903, 3: 134).

Следует отметить, что в расчетах тяжести налогообложения крестьянства, сделанных как в дореволюционное, так и в советское время, допускалось три натяжки: 1) не в полной мере учитывались доходы крестьян (из-за невозможности полного учета), 2) выкупные платежи за землю принимались за налог, 3) все пошлины (канцелярские судебные, гербовые и т. д.) и

¹¹ Помимо доходов от собственно сельского хозяйства и промыслов, крестьяне имели дополнительные доходы, которые увеличивали их общие доходы (на?) 10 %.

¹² А. М. Анфимов опирался на данные А. Л. Вайнштейна, согласно которому сумма всех налогов (без страховых платежей) в 50 губерниях в 1912 г. составляла 6,21 руб. на душу населения, или 13,2 % к условно чистому сельскохозяйственному доходу, и 11,2 % по отношению ко всему доходу (Вайнштейн 2000: 82–84).

сборы с цены товаров приравнялись к налогам без учета их факультативности.

В начале XX в. земледелие давало крестьянам менее половины дохода, промыслы по разным оценкам – 22–28 % (Анфимов 1984: 110–111; Материалы Комиссии 1903, 1: 219), доходы от скотоводства, огородничества, пчеловодства, рыболовства, собирательства, общинной собственности по бюджетным данным – 22 % (см. Табл. 13). Учесть дополнительные доходы было практически невозможно, потому что крестьяне их скрывали, в то время как величина повинностей, как правило, была всем известна и потому соответствовала действительности.

Выкупные платежи за полученную крестьянами землю в результате реформы 1860-х гг. не могут считаться налогом, так как они шли на покрытие кредита, полученного крестьянами от государства, за купленную землю. Как бы ни оценивать величину и справедливость выкупа, его нельзя считать налогом ни по существу, ни по форме. Это все равно, что в настоящее время принимать за налог платеж за купленную в кредит землю или квартиру. При переводе на выкуп крестьяне при отказе от полного надела получали четверть его бесплатно (таких было около 500 тыс. ревизских душ). Выкупные платежи стали обязательными с 1881 г., несмотря на это, крестьяне в любое время могли отказаться от выкупных платежей при условии отказа от наделной земли. На долю выкупных платежей в налоговых поступлениях в бюджет в 1885–1905 гг. приходилось от 8 до 16 % (Ежегодник МФ 1986: 66; 1900: 46; 1907: 40).

Косвенные налоги, в отличие от прямых, носят факультативный характер. Конечно, керосин, ситец, чай, сахар стали в начале XX в. предметами первой необходимости, и без них было не обойтись. А как быть с водкой и табаком, на долю которых приходилось 62,1 % всех косвенных налогов? Действительно, в международной статистике их традиционно принято относить к косвенным налогам, но ведь нужно учитывать национальную специфику и масштабы потребления алкоголя и табака в разных странах. Некоторые пошлины (почтовые, телеграфные, судебные и др.) представляли собой плату за определенные действия и услуги со стороны государственных органов, поэтому их некорректно относить к налогам, их следовало бы дифференцировать и вычесть из общей суммы всех пошлин, на долю которых в структуре налогов приходилось 8,6 % в 1855 г. и 11 % в 1913 г. (Шацилло 2003: 390).

Все указанные натяжки приводят к преувеличению тяжести налогов в России, которые, несмотря на это, по мировым стандартам не были чрезмерно тяжелыми (см. Табл. 16).

Табл. 16. Тяжесть налогового обложения в процентах к национальному доходу в ряде стран в 1913–1914 гг.

Страны	Тяжесть налогового обложения
Япония	18,2
Австрия	16,9
Франция	13,8
Канада	13,0
Германия	11,8
Великобритания	11,4
Россия	11,0
Италия	10,8
Австралия	10,4
США	6,5
Индия	4,4

Источник: Микеладзе 1928: 150–152.

Как видно из данных Табл. 16, в России норма обложения была весьма умеренной, ниже, чем в большинстве развитых стран. В литературе фигурируют разные данные об уровне обложения, что обусловлено прежде всего различными оценками национального дохода. Например, согласно А. Л. Вайнштейну норма обложения для России в 1913 г. равнялась 13,5 %. Эта явно завышенная цифра вызвана тем, что автор занижил чистый национальный доход на душу населения (83,3 руб.) (Вайнштейн 1924: 127; Петров 2003: 402). П. В. Микеладзе принял национальный доход за 101,4 руб., что ближе к наиболее точной оценке П. Грегори – 118,5 руб. (Грегори 2003: 237). Если за основу взять данные Грегори, то норма обложения в России понизится до 9,5 %, и тогда лишь в США и Индии норма обложения будет ниже¹³.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ НЕДОИМКИ

Часто наличие недоимок рассматривается исследователями в качестве аргумента тяжелого положения податного населения. Однако это ненадежный критерий. Недоимки являлись обязательным спутником крестьянской и мещанской жизни XVIII – начала XX в. (Чечулин 1906: 142–146; Руковский 1862: 183–213), потому что крестьяне и мещане не торопились платить подати даже тогда, когда они располагали средствами для этого. Во-первых, казенные недоимки регулярно прощались верховной властью в XVIII – первой половине XIX в. То же продолжалось и в пореформенное время: за 1862–1906 гг. только крестьянам их было прощено на 58,5 млн руб., или

¹³ Некоторые исследователи считали, что расчеты А. Л. Вайнштейна завышали тяжесть обложения (Верхопятницкий 1923: 40, 71).

3,8 % от общей суммы выплат крестьян за эти годы (Кованько 1914: Приложение 4, Табл. 4 и Приложение 5, Табл. 1). Почти всегда новый монарх при вступлении на престол полностью или в значительной степени прощал накопившиеся долги, о чем населению было прекрасно известно. Во-вторых, наличие недоимок препятствовало повышению налогов и повинностей, так как всегда выдвигалось налогоплательщиками как доказательство напряженности их средств и, самое важное, принималось властями во внимание (Материалы Комиссии 1903, 3: 235). В 1809 г. Департамент уделов решил возвысить оброки с удельных крестьян, но по договоренности с налогоплательщиками, полагая, что они добровольно на это согласятся, так как находились в существенно лучшем положении сравнительно с казенными крестьянами, у которых только что увеличили оброки, не говоря уже о помещичьих. Однако крестьяне не стали добровольно повышать оброки, мотивируя отказ наличием недоимок. Пришлось оброки увеличивать принудительно, принимая во внимание недоимочность: за теми селениями, которые имели значительные долги, сохранялись старые оклады, а тем, которые их не имели, устанавливались новые, повышенные. Со временем оброки были увеличены у всех, но недоимщики получили отсрочку (История уделов 1901: 80–87). Такое отношение к росту повинностей было общим для всех категорий крестьян. При повышении окладов управители и владельцы учитывали недоимки, так как не имели других надежных критериев для оценки благосостояния. Конечно, всегда были несостоятельные крестьяне, но также всегда под личиной неплатежеспособных скрывалось много лиц, могущих вовремя платить налоги и повинности. Вообще, по свидетельству осведомленных современников, крестьянин предпочитал прибедняться, а не выставлять напоказ свое благосостояние¹⁴.

На 1849 г. имеются сведения о налогах, повинностях и недоимках казенных, помещичьих крестьян и мещан по 44 губерниям Европейской России (см. Табл. 17).

Табл. 17. Платежи и недоимки казенных и помещичьих крестьян, а также мещан в 1849 г. (в копейках серебром на мужскую душу)

¹⁴ «Крестьяне при проезде помещика, как бы состоятельны они ни были, притворяются всегда бедными и нуждающимися во всем» (Кабештов 2006: 545).

Губернии	Натуральные повинности*	Казенные крестьяне			Помещичьи крестьяне			Мещане		
		Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу
Архангельская	81	456	0	0,0	244	3	1,2	297	6	2,0
Астраханская	35	349	0	0,0	174	4	2,3	240	0	0,0
Виленская	56	259	34	13,1	292	16	5,5	303	51	16,8
Витебская	22	212	76	35,8	220	53	24,1	268	118	44,0
Владимирская	44	477	0	0,0	192	3	1,6	280	2	0,7
Вологодская	37	421	0	0,0	168	0	0,0	259	0	0,0
Волынская	25	203	28	13,8	195	4	2,1	262	97	37,0
Воронежская	41	447	14	3,1	178	4	2,2	267	18	6,7
Вятская	42	452	0	0,0	165	0	0,0	256	0	0,0
Гродненская	69	252	11	4,4	273	6	2,2	268	73	27,2
Екатеринослав.	66	441	26	5,9	206	12	5,8	255	5	2,0
Казанская	23	445	11	2,5	159	0	0,0	268	1	0,4
Калужская	80	481	67	13,9	210	3	1,4	262	37	14,1
Киевская	41	246	6	2,4	235	0	0,0	267	16	6,0
Ковенская	108	329	52	15,8	343	28	8,2	315	79	25,1
Костромская	49	464	0	0,0	188	2	1,1	270	8	3,0
Курляндская	124	263	3	1,1	312	6	1,9	271	41	15,1
Курская	26	443	0	0,0	168	3	1,8	268	13	4,9
Минская	36	221	34	15,4	239	6	2,5	278	29	10,4
Могилевская	39	190	40	21,1	229	46	20,1	266	119	44,7
Московская	186	617	1	0,2	355	0	0,0	298	0	0,0
Нижегородская	111	516	0	0,0	252	3	1,2	274	4	1,5
Новгородская	322	688	3	0,4	468	8	1,7	275	13	4,7
Олонецкая	41	417	0	0,0	200	0	0,0	291	0	0,0
Оренбургская	33	421	0	0,0	168	2	1,2	262	5	1,9
Орловская	34	442	21	4,8	162	2	1,2	259	27	10,4
Пензенская	37	459	30	6,5	164	2	1,2	257	13	5,1
Пермская	95	486	2	0,4	227	0	0,0	265	4	1,5
Подольская	29	189	0	0,0	212	0	0,0	253	33	13,0
Полтавская	22	271	0	0,0	203	17	8,4	255	4	1,6

Губернии	Натуральные повинности*	Казенные крестьяне			Помещичьи крестьяне			Мещане		
		Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу
Псковская	115	496	73	14,7	270	26	9,6	285	24	8,4
Рязанская	43	435	54	12,4	168	4	2,4	256	38	14,8
С.-Петербургская	410	892	17	1,9	614	9	1,5	330	25	7,6
Саратовская	37	452	12	2,7	164	4	2,4	260	4	1,5
Симбирская	-	-	-	-	129	0	0,0	260	4	1,5
Смоленская	41	422	54	12,8	169	17	10,1	259	28	10,8
Гаврическая	127	349	3	0,9	271	5	1,8	173	3	1,7
Тамбовская	30	442	66	14,9	158	15	9,5	259	12	4,6
Тверская	95	510	6	1,2	227	2	0,9	264	5	1,9
Тульская	21	434	97	22,4	159	6	3,8	268	31	11,6
Харьковская	50	492	50	10,2	224	18	8,0	263	0	0,0
Херсонская	157	560	27	4,8	312	22	7,1	263	0	0,0
Черниговская	59	334	2	0,6	257	0	0,0	267	9	3,4
Ярославская	56	462	0	0,0	198	0	0,0	275	2	0,7

* Натуральные повинности одинаковы для всех категорий крестьян; переведены в денежную форму.

** Денежные и натуральные повинности.

Источник: РГИА 1850: 22–27. В Симбирской губернии не было казенных крестьян, в Лифляндской и Эстляндской существовала особая система налогов, по Бессарабской губернии отсутствуют сведения.

Как показывает корреляционный анализ, зависимости между величиной платежей и недоимочностью (отношением недоимок к сумме платежей) нет. Для помещичьих крестьян и мещан коэффициенты корреляции невелики и статистически незначимы¹⁵ (соответственно 0,01 и 0,12); для казенных крестьян коэффициент получился статистически значимым, но незначительным по величине и отрицательным – (-)0,34, что свидетельствует о парадоксальной обратной связи между недоимками и платежами: недоимка была меньше в тех губерниях, где налоги и повинности были больше.

В пореформенное время недоимки также росли быстро и систематически: в 1875 г. только казенные недоимки составляли 29,1 млн руб., или 22 % к среднему годовому окладу, в 1880 г. – соответственно 48,3 млн руб. и 36 %,

¹⁵ При вероятности ошибочного заключения 0,05.

в 1900 г. – 118,7 млн руб. и 119 % (Материалы Комиссии 1903, 1: 290–291). Эти данные использовались экономистами, публицистами и чиновниками как доказательство «надорванной платежеспособности», обеднения и кризиса деревни (Шванебах 1903: 145–147, 168–169; Материалы Комиссии 1903, 3: 235). Есть, однако, странности в распределении недоимок между различными категориями крестьянства и в аккуратности уплаты разных платежей. К началу XX в. больше всего недоимок накопилось у бывших удельных крестьян – 152 % от оклада, затем у бывших государственных – 143 % от оклада, наконец, у бывших помещичьих – 96 % оклада, т. е. недоимка у последних была в 1,5 раза меньше, несмотря на то, что они освобожились от крепостного права на самых тяжелых сравнительно с другими категориями крестьянства условиях (Материалы Комиссии 1903, 3: 251). Вторая несообразность состояла в том, что крестьяне довольно исправно платили выкупные платежи: средние ежегодные недоимки по выкупным платежам за землю в последние 20 лет их существования, с 1885–1889 по 1900–1904 гг., уменьшились даже у бывших помещичьих крестьян с 2,5 млн до 1,3 млн – в 1,9 раза (Кованько 1914: Прил. 4, табл. 4 и Прил. 5, табл. 1). Получается, что, с одной стороны, исправнее всего платили подати самые необеспеченные и хуже всего наиболее состоятельные категории крестьянства, с другой – для выкупа земли находились деньги, а для уплаты налогов – нет.

Понижение выкупных платежей в 1882 г. произошло под влиянием недоимок, которых накопилось на 22,2 млн руб., что составляло 81,5 % от оклада 1882 г., равного 27,2 млн руб. (Отчет Государственного банка 1892: Прил. 21, 22, с. 34–35, 46). Правительство пыталось бороться с неуплатой разными, в том числе жесткими, мерами, но безуспешно. Отдача крестьян в заработки оказалась слишком обременительной для коронной администрации. Продажа имущества разоряла хозяйства. Крестьяне заявляли о непосильности выкупных платежей, отказывались платить налоги. Публицисты, экономисты и чиновники также в один голос говорили о несоответствии повинностей надельной земле, о пауперизации деревни и предлагали снижение налогов (Дружинин 1987: 387–319). Но это не соответствовало действительности: с 1861–1865 гг. по 1876–1880 гг. средний рост взрослых мужчин в России увеличился на 3 см, что могло произойти только в результате улучшения базисных условий жизни, в том числе питания, а это было невозможно без повышения уровня жизни. Тем не менее, крестьяне убедили образованное общество и правительство, что их положение невыносимо, и добились понижения платежей.

Приведенные факты показывают, что недоимочность вряд ли можно считать надежным показателем благосостояния. С этим согласны Дж. Симмс, Г. М. Гамбург, Ст. Хок (Simms 1977: 385; Hamburg 1978: 485;

Хок 1996: 29–33). Недоимки – это своеобразная защита, это оружие, эффективно использовавшееся крестьянами (как, впрочем, и мещанами) в борьбе против увеличения налогов и повинностей.

Таким образом, весь XIX и начало XX в. в России отмечены ростом сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства, снижением налогового бремени, что вело к повышению уровня жизни. Эта позитивная для крестьянства тенденция была особенно заметна после Великих реформ. Тезис о мальтузианском кризисе в России XIX – начала XX в. не находит подтверждения и, на наш взгляд, должен быть пересмотрен.

Библиография

- Анфимов А. М. 1962.** *Российская деревня в годы мировой войны (1914 – февраль 1916 г.)*. М.: Изд-во соц.-экон. лит.-ры.
- Анфимов А. М. 1964.** *Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.)*. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск.
- Анфимов А. М. 1980.** *Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881–1904 гг.* М.: Наука.
- Анфимов А. М. 1984.** *Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг.* М.: Наука.
- Анфимов А. М. (Ред.). 1998.** *Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сборник документов*. М.: Наука.
- Анфимов А. М. 2002.** *П. А. Столыпин и российское крестьянство*. М.: ИРИ РАН.
- Баранович А. И. и др. (Ред.). 1957а.** *Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в.* М.: Изд-во АН СССР.
- Баранович А. И. и др. (Ред.). 1957б.** *Очерки истории СССР: Россия во второй половине XVIII в.* М.: Изд-во АН СССР.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1895, 1897.** *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*: в 41 т. СПб.: Изд-во Брокгауза–Ефрона. Т. 32, 39.
- Буняковский В. Я. 1865.** *Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам. Приложение к 8-му т. Записок имп. Академии наук* 6.
- Вайнштейн А. Л. 1924.** *Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время*. М.: Изд-во кн. скл. "Экономист" НКФ.
- Вайнштейн А. Л. 2000.** *Избранные труды*: в 2 кн. М.: Наука. Кн. 1.
- Валк С. Н. (Ред.). 1961.** *Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сборник документов*. М.: Изд-во соц.-экон. лит.-ры.
- [Верхоятницкий Д.] 1923.** *Тяжесть налогов довоенного и настоящего времени для крестьянского населения Новгородской губернии*. Новгород: Губсоюз.
- Горская Н. А. 2006.** *Русская феодальная деревня в историографии XX века*. М.: Памятники ист. мысли.
- Грегори П. 2003.** *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки*. М.: Росспэн.
- Давыдов М. А. 2003.** *Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в.* М.: РГГУ.

- Дружинин Н. М. 1946.** *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева*: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Дружинин Н. М. 1958.** *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева*. Т. 2. М.: Наука.
- Дружинин Н. М. 1978.** *Русская деревня на переломе: 1861 – 1880 гг.* М.: Наука.
- Дружинин Н. М. 1987.** *Избранные труды: Социально-экономическая история России*. М.: Наука.
- Дубровский С. М. 1963.** *Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в.* М.: АН СССР.
- Дубровский С. М. 1975.** *Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма*. М.: Наука.
- Егназарова Н. А. 1959.** *Аграрный кризис конца XIX века в России*. М.: АН СССР.
- Ежегодник МФ. 1886.** *Ежегодник Министерства финансов*. Вып. XVII. СПб.: В. С. Балашов.
- Ежегодник МФ. 1900.** *Ежегодник Министерства финансов*. Вып. 1899 года. СПб.: В. Кишбаум.
- Ежегодник МФ. 1907.** *Ежегодник Министерства финансов*. Вып. 1906/07 года. СПб.: Министерство финансов.
- Ежегодник МФ. 1912.** *Ежегодник Министерства финансов*. Выпуск 1912 года. СПб.: Министерство финансов.
- Ершов Г. 1885.** *Понижение выкупного платежа по указу 28-го декабря 1881 года: Статистические таблицы. Статистический временник Российской империи*. Серия 3. Вып. 5. СПб.
- Зайончковский П. А. 1958.** *Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.* М.: Соцэкгиз.
- Зайончковский П. А. 1961.** *Советская историография реформы 1861 г. Вопросы истории 2.*
- Зайончковский П. А. 1968.** *Отмена крепостного права в России*. 3-е изд. М.: Просвещение.
- Зайончковский П. А. (Ред.). 1968.** *Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сборник документов*. М.: Наука.
- Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шаццлло М. К. 2006.** *История налогов в России: IX – начало XX в.* М.: Росспэн.
- Зорин А. Н. 2001.** *Города и посады дореволюционного Поволжья: Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX в.* Казань: Изд-во Казанского ун-та.
- Игнатович И. И. 1925.** *Помещичьи крестьяне накануне освобождения*. 3-е изд. Л.: Мысль.
- Игнатович И. И. 1963.** *Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века*. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.
- История СССР. 1967–1968.** *История СССР с древнейших времен до наших дней*: в 2 сериях, в 12 т. 1-я серия. М.: Наука.
- История уделов. 1901.** *История уделов за столетие их существования. 1797–1897*. Т. 2. СПб.: Гл. управление уделов.
- Кабештов И. М. 2006.** *Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным. Воспоминания русских крестьян*

- XVIII – первой половины XIX века / вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М.: Новое лит-ное обозрение.*
- Кабузан В. М. 1971.** *Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.* М.: Наука.
- Кауфман А. А. 1908.** *Аграрный вопрос в России 1: Земельные отношения и земельная политика.* М.: И. Д. Сытин.
- Кафенгауз Б. Б. (Ред.). 1954.** *Очерки истории СССР: Россия в первой четверти XVIII в.* М.: Изд-во АН СССР.
- Кашенко С. Г. 1995.** *Реформа 19 февраля 1861 года на Северо-Западе России: Количественный анализ массовых источников.* М.: Мосгорархив.
- Китанина Т. М. 1978.** *Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики.* Л.: Наука.
- Ковальченко И. Д. 1967.** *Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.* М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Ковальченко И. Д., Милов Л. В. 1966.** Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. *История СССР* 4.
- Кованько П. 1914.** *Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861–1907 гг.).* Киев: Н. К. Корчак-Новицкий.
- Копанев А. И. (Ред.). 1994.** *История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма.* СПб.: Наука.
- Ленин В. И. 1958 [1899].** Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.:* в 55 т. 5-е изд. Т. 3. М.: Политиздат.
- Литвак Б. Г. 1960.** Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. *История СССР* 6.
- Литвак Б. Г. 1961.** О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. *Исторические записки* 68.
- Литвак Б. Г. 1962.** Важнейшие итоги и задачи изучения падения крепостного права в России. *Вопросы истории* 1.
- Литвак Б. Г. 1972.** *Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861–1895 гг.* М.: Наука.
- Литвак Б. Г. 1991.** *Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива.* М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Лосицкий А. Е. 1906.** *Выкупная операция.* СПб.: Дело.
- Лященко П. И. 1908.** *Очерки истории аграрной эволюции России.* СПб.: Министерство финансов.
- Лященко П. И. 1952.** *История народного хозяйства СССР.* 3-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. Т. 1.
- Материалы для статистики 1858, 1861, 1871.** *Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ.* Вып. 1, 4, 5. СПб.: Министерство гос. имуществ.
- Материалы Комиссии. 1903.** *Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России:* в 3 ч. СПб.: П. П. Сойкин.

- Микеладзе П. В. 1928.** Тяжесть обложения в иностранных государствах в 1913 и 1925–26 гг. В: Гензель П. П. и др., *Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах (Очерки по теории и методологии вопроса)*. М.: Фин. изд-во НКФ СССР.
- Милов Л. В. 1965.** *Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Милов Л. В. 1998.** *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: Наука.
- Милов Л. В. (Ред.). 2006.** *История России XVIII–XIX вв.*: учеб. пособие для вузов. М.: ЭКСМО.
- Миронов Б. Н. 1985.** *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.)*. Л.: Наука.
- Миронов Б. Н. 2002.** Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным. *Экономическая история. Ежегодник 2001*. М.: Росспэн.
- Миронов Б. Н. 2003а.** Цены и зарплата в Петербурге за три века. *Санкт-Петербург в зеркале социологии* / Ред. В. В. Козловский. СПб.: Социол. общ-во им. М. М. Ковалевского.
- Миронов Б. Н. 2003б.** *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд. Т. 2. СПб.: Дм. Буланин.
- Нарочницкий А. Л. (Ред.). 1978.** *Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС*. Вып. 2. Дооктябрьский период. М.: Наука.
- Неупокоев В. И. 1987.** *Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века*. М.: Наука.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века*. Екатеринбург: Уральский гос. горный ун-т.
- Нечкина М. В. (Ред.). 1955.** *История СССР*. 3-е изд. Т. 2. М.: Госполитиздат.
- Нечкина М. В. (Ред.). 1963, 1966, 1985.** *Очерки истории исторической науки в СССР*. Т. 3, 4, 5. М.: Наука.
- Нифонтов А. С. 1974.** *Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России*. М.: Наука.
- Новосельский А. А., Устюгов Н. В. (Ред.). 1955.** *Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в.* М.
- Обручев Н. Н. (Ред.). 1871.** *Военно-статистический сборник*. Вып. 4. Россия. Отд. 2. СПб.: Воен. типогр.
- Общий свод 1905.** *Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин. Т. 1.
- Окладников А. П. (Ред.). 1982.** *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма*. Новосибирск: Наука.
- Окладников А. П. (Ред.). 1983.** *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма*. Новосибирск: Наука.
- Окунь С. Б. (Ред.). 1962.** *Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: Сборник документов*. М.: Изд-во соц.-экон. лит.-ры.

- Отчет Государственного банка 1892.** *Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа по 1 января 1892 г.* СПб.: Департамент окладных сборов Министерства финансов.
- Павленко Н. И., Андреев И. Л., Федоров В. А. 2007.** *История России с древнейших времен до 1861 года:* учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Высшая школа.
- Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. 1989.** *История СССР с древнейших времен до 1861 года.* М.: Просвещение.
- Первущин С. А. 1925.** *Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека.* М.: Экономическая жизнь.
- Першин П. Н. 1966.** *Аграрная революция в России.* Кн. 1. От реформы к революции. М.: Наука.
- Петров Ю. А. 2003.** *Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. Экономическая история.* Ежегодник 2002. М.: Росспэн.
- Покровский М. Н. 1907.** *Крестьянская реформа. История России в XIX веке.* Т. 3. М.: Изд-во А. и И. Гранат.
- Покровский М. Н. 1934.** *Русская история с древнейших времен.* Т. 4. М.: Госуд. соц.-экон. изд-во.
- Понижение выкупного платежа 1885.** *Понижение выкупного платежа по указу 28-го декабря 1881 года. Статистический Временник Российской империи 3/5.* СПб.
- РГИА 1850.** Российский государственный исторический архив. Ф. 869. Милютин. Оп. 1. Д. 789. Таблицы к Статистическому атласу, составленному в Министерстве внутренних дел.
- Рожков Н. А. 1902.** *Город и деревня в русской истории.* СПб.: И. Н. Скороходов.
- Рожкова М. К. (Ред.). 1959.** *Очерки экономической истории России первой половины XIX в.* М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.
- Розенберг В. 1904.** *Из хроники крестьянского дела. Очерки по крестьянскому вопросу / Ред. А. А. Мануилов.* М.: Д. С. Сабашниковы.
- Рубинштейн Н. Л. 1957.** *Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк).* М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Руковский И. П. 1862.** *Историко-статистические сведения о подушных податях.* СПб.: В. Безобразов.
- Рындзюнский П. Г. 1961.** *О мелкотоварном укладе в России XIX века. История СССР 2.*
- Рындзюнский П. Г. 1966.** *Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России конце XVIII – первой половине XIX в. (о статье И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова). История СССР 6.*
- Рындзюнский П. Г. 1967.** *Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.? Вопросы истории 7.*
- Рындзюнский П. Г. 1978.** *Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг.* М.: Наука.
- Рындзюнский П. Г. 1983[U9].** *К изучению динамики численности крепостного населения в дореформенной России. История СССР 1.*
- Рындзюнский П. Г. 1983[U10].** *Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России).* М.: Наука.
- Святловский В. В. 1911.** *Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.).* СПб.: Акцион. общ-во тип. дела.

- Семевский В. И. 1903. *Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II*. Т. 1. СПб.: М. М. Стасюлевич.
- Стат. ежегодник 1915. *Статистический ежегодник России. 1914 г.* Пг.: Штаб Петрогр. воен. округа.
- Столетие 1902–1904. *Столетие Военного министерства. 1802–1902*: в 13 т. СПб.: М. О. Вольф.
- Струмилин С. Г. 1954. *История черной металлургии*. Т. 1. *Феодальный период (1500–1860 гг.)*. М.: Изд-во АН СССР.
- Тарновский К. Н. 1965. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – нач. 1930-х гг.). *Исторические записки*. Т. 78.
- Тарновский К. Н. 1990. *Социально-экономическая история России: начало XX в. Советская историография середины 50-х – 60-х годов*. М.: Наука.
- Удальцова З. В. (Ред.). 1986а. *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма*. Т. 2. М.: Наука.
- Удальцова З. В. (Ред.). 1986б. *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма*. Т. 3. М.: Наука.
- Федоров В. А. 1974. *Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в.* М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Федоров В. А. 1980. *Крестьянское движение в Центральной России, 1801–1860: (По материалам центрально-промышленных губерний)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Федосов И. А. (Ред.). 1987. *История СССР: XIX – начало XX в.* 2-е изд. М.: Высшая школа.
- Финн-Енотаевский А. 1911. *Современное хозяйство России (1890–1910 гг.)*. СПб.: М. И. Семенов.
- Ходский Л. В. 1891. *Земля и землевладелец: Экономическое и статистическое исследование*. Т. 2. СПб.: М. М. Стасюлевич.
- Хоз.-стат. материалы 1857. *Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян*. Вып. 2. СПб.: Министерство гос. имуществ.
- Хок С. Л. 1993. *Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии*. М.: Прогресс-Академия.
- Хок С. Л. 1996. Мальтус: рост населения и уровень жизни. *Отечественная история 2*.
- Хромов П. А. 1967. *Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции*. М.: Наука.
- Хромов С. С. (Ред.). 1982. *Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС*. М.: Наука.
- Черепнин Л. В. (Ред.). 1956. *История СССР*. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М.: Госполитиздат.
- Чечулин Н. Д. 1906. *Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II*. СПб.: Сенатская тип.
- Шапиро А. Л. 1961. Об опасности модернизации истории русского крестьянства XVII – первой половины XVIII в. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959* / ред. В. К. Яцунский. Таллинн: АН ЭССР.
- Шапиро А. Л. (Ред.). 1971. *Аграрная история Северо-Запада России XVII века: Вторая половина XV – начало XVI в.* Л.: Наука.

- Шапиро А. Л. (Ред.). 1974.** *Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины.* Л.: Наука.
- Шапиро А. Л. 1977.** *Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Шапиро А. Л. 1987.** *Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.).* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Шапиро А. Л. (Ред.). 1989.** *Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование).* Л.: Наука.
- Шапкарин А. В. (Ред.). 1959.** *Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сборник документов.* М.: Изд-во соц.-экон. литературы.
- Шаццлло М. К. 2003.** *Эволюция налоговой системы России в XIX в. Экономическая история. Ежегодник 2002.* М.: Росспэн.
- Шванебах П. X. 1903.** *Наше податное дело.* СПб.: М. М. Стасюлевич.
- Янин В. Я. (Ред.). 1978.** *Советская историография аграрной истории СССР (до 1917).* Кишинев: Штиница.
- Яснопольский Н. П. 1890.** *О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования.* Ч. 1. СПб.: И. Н. Кушнерев.
- Hamburg G. M. 1978.** The Crisis in Russian Agriculture: A Comment. *Slavic Review* 37/3.
- Hoch St. L. 2004.** Did Russia's Emancipated Serfs Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distribution. *Slavic Review* 63/2.
- Simms J. Y. Jr. 1977.** The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View. *Slavic Review* 36/3.